Вомпе. Дни Октябрьской революции и железнодорожники.

П. ВОМПЕ

ДНИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ

(МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ)

ИСТПРОФТРАН
комиссия по изучению истории профессионального движения на жел.-дорожном транспорте

ИЗДАНИЕ ЦК ЖЕЛ.-ДОР.
МОСКВА 1924

Главлит № 23604 Москва. Тир. 10.000.

Типография «ГУДОК», ул. Станкевича, 7.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая брошюра содержит в себе очерк небольшого периода из истории железнодорожного союза. Это незаконченный, а тем более далеко необработанный труд. Это всего лишь фотография небольшого момента из жизни железнодорожной организации того революционного периода, который породил первую пролетарскую республику.

Составлена настоящая брошюра наспех, что называется, на-ходу. Поэтому вполне возможно, что материал в ней расположен недостаточно систематизированно, а предпосылки и выводы не вполне исчерпывающие. Во всяком случае она составлена на основании подлинных, хотя, к сожалению, чрезвычайно скудно сохранившихся материалов.

I.

Позиция Викжеля до Октябрьской революции.

1.

Для ясного понимания позиции, которую занимал Всероссийсий Союз железнодорожников в «Октябрьские дни» в той роли, которую он сыграл в эту эпоху, необходимо предварительно несколько остановиться на периоде, предшествовшем «Октябрю», и дать краткую характеристику железнодорожников во времена керенщины. Особенно тяжело досталась реакция, наступившая после 1905 года, железнодорожникам. Задушить, раздавить, расслоить—вот та тактика, которая проводилась царским правительством беспрерывно с 1905 г. по отношению ко всякому проблеску организованности и сплоченности среди железнодорожников.

Разбросанная и так на десятки тысяч верст по сети железных дорог, рассеянная по путям, по мелким станциям и полустанкам, железнодоржная масса до февральских дней не знала, что такое союз, организация, сплоченность. Следуя принципу «разделяй и властвуй», царское правительство отлично использовывало все средства к внедрению антагонизма среди различных групп железнодорожников.

Железнодорожная масса до 1919, даже 1920 г., была чрезвычайно пестра по своему классовому составу. Здесь вы найдете все мыслимые классовые прослойки. С одной стороны, имеется хотя и не особенно толстый, но довольно крепко сцементированный слой буржуазии с плотно прилегающей к нему мелко-буржуазной частью железнодоржников. Это весь состав администрации в лице многочисленного кадра инженеров, всевозможных начальствующих, управленских служащих, начальников станций, дежурных и их помощников, дорожных мастеров, агентов распорядительного движения и иже с ними. С другой стороны, имеется довольно толстый, но слабо сцементированный слой чистого пролетариата, к которому примыкает более революционная мелко-буржуазная часть железнодорожников, это—рабочие мастерских, депо, путевые рабочие, стрелочники, сцепщики и т. п. Наконец, имеется громадный по своей численности кадр железнодоржников мелко-буржуазного, мещанского характера, шатающийся из стороны в сто-

рону и готовый примкнуть в часы революционного успеха к пролетарской части железнодорожников, и пассивно равнодушный в остальное время, это—телеграфисты, часть машинистов, кондуктора, мелкие линейные служащие, конторского труда и т. п.

Приведенное мною расчленение железнодорожников по классовым группировкам, конечно, грубо, но оно дает общую картину и характеризует то положение железнодорожника, которое, откровенно говоря, еще по сие время невполне изжито. Царское правительство с удивительной ловкостью использовывало эту классовую пестроту железнодорожников в целях развития и поддержания антагонизма между отдельными слоями транспортных работников.

Не довольствуясь этим, самодержавие произвело тщательную операцию удаления с железных дорог всех мало-мальски «неблагонадежных элементов» и вкрапление в среду железнодорожников плеяды провокаторов блаженной памяти охранки. Господа «Орловы» на Александровской дор., 13 выловленных охранников на Александровском заводе и Николаевской дор. и т. д.—все это составляло обычную картину зловредного обсеменения нивы железнодорожного пролетариата агентами охранки. Если еще напомнить о том исключительно тяжелом экономическом положении, в коем находились железнодорожники, то станет ясна общая картина, в какой степени политической зрелости, спаянности, сорганизованности могла застать февральская революция железнодорожника.

2.

Эпоха от февральской до Октябрьской революции ознаменовалась на железных дорогах первенствующим, а местами исключительным, влиянием эс-эров и меньшевиков. Не будучи достаточно подготовленным к политической борьбе, являясь в полной мере дезорганизованным, железнодорожный пролетариат и вообще вся железнодорожная масса, подчинились руководству неполитических и случайных (но более грамотных и пронырливых) элементов, которые во многих железнодорожных организациях заняли руководящее положение. Схема железнодорожных организаций этого периода сводилась к следующему. На всех станциях, депо, мастерских, в управлениях служб и т. п. были организованы местные комитеты, избранные на общих, либо делегатских собраниях всех железнодорожников, независимо от той профессии или службы, к которой они принадлежали. Это были, таким образом, организации, построенные по территориальному, не линейному или цеховому, признаку. Все эти местные комитеты в пределах определенного района (чаще всего в пределах участка сл. тяги) об'единялись в районные комитеты, избранные на делегатских собраниях, также по территориальному признаку. Наконец, все районы в пределах дороги об'единялись в главные дорожные или исполнительные комитеты, которые избирались на дорожных с'ездах, созванных путем прямых выборов от всех железнодорож-

ников данной дороги. До первого Всероссийского Железнодорожного С'езда (см. ниже) все главные дорожные комитеты фактически ни в каком центре не об'единялись, хотя и существовал организационный центр по созыву Первого Всероссийского С'езда, избранный на Конференции железнодорожников (апрель 1917 г.). На ряду с указанными территориальными организациями, на железных дорогах в данном периоде начали складываться стихийным порядком узко-цеховые, ленточные, корпоративные, профессиональные союзы в количестве 15—20 и больше (союзы машинистов, телеграфистов, стрелочников и сцепщиков, агентов-распорядителей сл. движения и пр.). Откуда они появились, почему сложились именно в данную форму и пр., я здесь касаться не буду, тем более, что в дни Октябрьской революции они никакой роли не играли, а освещение указанных вопросов прямого отношения к затрагиваемой теме не имеет.

И вот, очень многие железнодорожные организации (главные железнодорожные комитеты или исполкомы), районные и местные комитеты, оказались под полным руководством правых элементов, часто из железнодорожной аристократии. Таковыми, например, являлись организации Северо-Западной, Московско-Виндавско-Рыбинской, Александровской, Забайкальской и многих других дорог, которые в рассматриваемый период оказались под руководством эс-эровских, меньшевистских или просто мещанских элементов. Конечно, были и исключения, как например Московско-Курская дор., но в руководстве ее организациями чувствовался лишь один революционный порыв, без строго проведенного плана, программы и тактики. Значит ли это, что вся масса железнодорожников была меньшевистско-эс-эровской? Конечно нет. Она представляла из себя чрезвычайно рыхлую, восприимчивую почву, ловившую первое время каждую революционную фразу, впитывавшую всякий революционный пафос. Не знавшая ни профсоюза, ни вообще пролетарской организованности, железнодорожная масса шла за своими руководителями, не разбираясь ясно в разногласиях, легко поддаваясь на удочку «легковесных» эс-эров и меньшевиков.

Корниловские дни нам наилучшим образом показали, что и железнодорожник, несмотря на полную растерянность в эти дни меньшевиствующих и эс-эрствующих вождей, принимал энергичные меры к ликвидации корниловской авантюры: он разбирал пути, задерживал корниловские эшелоны, давал по телеграфу важнейшие сведения о передвижениях неприятеля и т. п., проделывая все это из одной только угрозы возможной реставрации.

И такая картина наблюдалась повсеместно, сплачивая временно и рабочего, и телеграфиста, и начальника мелкой станции воедино, в одной общей задаче—дать отпор надвигавшейся реставрации.

Не чужды были железнодорожникам также большевистские лозунги: «долой министров-капиталистов», «вся власть советам» и пр. (например Моск.-Курской, Никол. ж. д., и пр.), но они при-

нимались большинством в форме задач местного железнодорожного характера (например от контроля к управлению). Последнее имело место еще также и благодаря оторванности железнодорожников от общей массы российского пролетариата, оторванности, взращенной и поддержанной всемерно самодержавным правительством.

3.

15 июля 1917 г. был созван Первый Всероссийский Учредительный С'езд железнодорожников. Созванный в Москве этот С'езд, как и состав самих железнодорожников, представлял из себя чрезвычайно пеструю картину. Пролетарская часть железнодорожников (рабочие мастерских и депо), чувствуя недоверие и антагонизм к остальным мелко-буржуазным слоям железнодорожных работников, фактически во многих местах или бойкотировала или очень неохотно шла на этот С'езд (напр. Петроградский и Московский узел), чем отчасти и об'ясняется ее чрезвычайно незначительное представительство на этом С'езде. С другой стороны, меньшевистско-эс-эровские руководители постарались, естественно, протащить на С'езд как можно больше своих сторонников и единомышленников.

В общем и целом С'езд оказался целиком под влиянием эс-эров, меньшевиков и эн-эсов. Руководил работами С'езда (продолжавшегося 40 дней) президиум в составе указанных трех партийных группировок. Так например, председателем С'езда был избран правый эс-эр Орехов, вокруг которого скучились в качестве заправил С'езда, эс-эры: Климин, Крушинский и Гар, меньшевики-оборонцы: Соколинский, Чухманенко и эн-эсы: Розанов и Плансон. Эта группа лиц, хотя и не вошедшая целиком в президиум, делала фактически погоду на С'езде.

В с'ездовской фракции с.-д. (общей для всех течений) насчитывалось всего лишь пара большевиков, два межрайонца (Петроградский межрайонный комитет с.-д. об'единения интернационалистов), незначительная часть меньшевиков-интернационалистов и остальная подавляющая часть представляла из себя от'явленнейших оборонцев. Председательствовал во фракции закостенелый оппортунист Соколинский. То же соотношение сил наблюдалось и в совете старейшин, который фактически руководил всем С'ездом.

«Рабочая группа» на С'езде, об'единившаяся лишь к концу последнего (главным образом в целях проведения своих кандидатов в Центральный комитет) и представлявшая из себя независимо от партийной принадлежности самую левую, революционную часть С'езда (большевики, межрайонцы, левое течение эс-эров, беспартийные рабочие, сочувствующие одной из названных партий)—составляла ничтожное меньшинство на С'езде и, естественно, не могла повлиять ни на ход его работы, ни на его постановления.

Таким образом состав С'езда, наилучшим образом отражая

железнодорожную массу того периода (с некоторым искривлением в сторону преуменьшения чисто-пролетарских элементов на С'езде), предрешал и его с'ездовские работы, и его постановления и состав будущего Центрального комитета железнодорожного Союза.

И действительно, какие позорные страницы своей работы запечатлел навсегда этот первый Учредительный С'езд железнодорожников! Овации министру труда правительства—Скобелеву, громы аплодисментов министру путей сообщения—кадету Юреневу на его слова: «мы все должны встать на колени перед многострадальной родиной матушкой Россией», полная сговоренность в торговой сделке на продажу революционного движения на жел. дор. с товарищем министра путей сообщения Тахтамышевым,—все это в достаточной мере характеризует настроение С'езда...

А отношение к большевикам! Во фракции с.-д. выкрики о подкупленных германских шпионах, ехавших в Россию в запломбированных вагонах, на пленуме С'езда—бешеное гикание при всякой попытке «большевистского» выступления на трибуне. Должен оговориться, что столь вульгарное выявление своего антибольшевистского настроения нельзя назвать обычным для этого С'езда.

Вполне естественно, что обе революционные для того времени точки зрения, на задачи и построение Союза железнодорожников (одна—создание чисто профсоюза, независимого и противопоставленного государственной власти, и другая—о захвате управления жел. дор. в свои руки) потерпели полный крах и восторжествовала мешанина эс-эровско-эн-эсовской кухни.

Эта мешанина ни с точки зрения пролетарского профдвижения, ни с точки зрения учета политического момента не выдерживала ни малейшей критики. Классовая природа союза отсутствовала, ибо в союз по уставу входили все прослойки железнодорожного транспорта, начиная от рабочих и кончая министром путей сообщения. С другой стороны, вместо независимой пролетарской организации получилась организация, задачей коей явилось сотрудничество с агентами буржуазного правительства—администрацией по линии укрепления производства, поднятия производительных сил и упорядочения дисциплины среди работников транспорта. Задачей союза явилось, и улучшение экономического положения железнодорожников, и участие в управлении производством, и совместное разрешение с администрацией производственных вопросов, и подтягиванье железнодорожников в их работе и проч. и проч. Все попытки некоторой, весьма немногочисленной части С'езда, придать союзу характер профессиональной организации, потерпели полную неудачу, и союз с такой мешаниной задач был заранее обречен на гибель, что впоследствии и произошло.

Как Всероссийский Учредительный С'езд железнодорожников являлся отражением железнодорожников того периода, так и избранный на этом С'езде Центральный Исполнительный Комитет Железнодорожного Союза (ВИКЖЕЛЬ) являлся достойным детищем своего родителя.

Вот персональный сотав Викжеля и его партийная физиономия. Всего в Викжель было избрано 40 членов: 1) Антонович—беспартийный, социалист правого течения, 2) Бальбатов—большевик, 3) Анюточкин—эс-эр левого течения, 4) Березин—беспартийный, 5) Беляков—беспартийный, 6) Вардарянц—беспартийный, 7) Вомпе—межрайонец (Петроградский межрайонный комитет), 8) Гар—эс-эр центра, 9) Голубаев—эс-эр левый, 10) Гурьевич—беспартийный, 11) Дементьев—меньшевик-оборонец, 12) Досев—беспартийный, сочувствующий большевик, 13) Дмитриев—беспартийный, 14) Добытин—беспартийный, 15) Казанович—эс-эр правый, 16) Кохан—эс-эр левого течения, 17) Кравец—большевик, 18) Кривошеин—эс-эр левый, 19) Кузнецов—беспартийный, 20) Крушинский—эс-эр левый, 21) Лапьер—эс-эр левый, 22) Малицкий—эс-эр левый, 23) Нестеренко—беспартийный, 24) Плансон—эн-эс, 25) Пряничников—меньшевик-оборонец, 26) Платонов—беспартийный, 27) Сафорьянц—беспартийный, 28) Стамо—эс-эр левый, 29) Сенюшкин—меньшевик, 30) Финк—эс-эр правый, 31) Холщевников—эн-эс, 32) Хрулев — с. д.-интернационалист, 33) Цеглярский—беспартийный, 34) Чухманенко—меньшевик плехановского течения, 35) Уеханов—меньшевик-оборонец, 36) Энлимионов—эн-эс, 37) Федотов—беспартийный, 38) Грунин—межрайонец (Петрограский межрайонный комитет), 39) Кондратьев—эс-эр левый, 40) Величанский—эс-эр правый и 41) Орехов—эс-эр правый.

Я привел партийную принадлежность членов Викжеля в момент его избрания, т.-е. в августе месяце 1917 г. Тогда еще, как известно, партия левых эс-эров не существовала и все эс-эры имели единый Центральный Комитет. Поэтому под словом «левый» мною подразумевается течение —уклон. Впоследствии многие члены Викжеля, сделали сдвиг влево, но в Октябрьские дни партийное соотношение сил в Викжеле отвечает вполне приведенному. С самого начала кто-то из состава Викжеля выбыл и вместо него вошел т. Грунин, как первый кандидат.

В Викжеле, как видно, получилось следующее партийное соотношение сил: 1) 2 большевика и один сочувствующий, 2) 2 межрайонца, 3) 9 эс-эров левого уклона, но далеко не у всех выдержанного, 4) 1 меншевик-интернационалист, 5) 6 меньшевиков-оборонцев, 6) 4 эс-эра правых и один близко к ним примыкающий, 7) 3 эн-эса, 8) 11 беспартийных. «Левую» Викжеля, таким образом, составляли 15 членов, включая сюда и подмоченных эс-эров левого течения; резко выраженную правую—14 членов: беспартийное болото—11 членов, из коих многие в действительности кадеты.

Говорить, таким образом, о классовой природе и Викжеля, и Союза не приходится—в союз по уставу, принятому на С'езде, входили все железнодорожники, начиная от водолива и чернорабочего, продолжая начальником дороги и кончая министром путей сообщения. Викжель—самая яркая картина межклассовой организации. Здесь сошлись самые разнородные элементы по своей

партийности и по своей классовой психологии, но руководящая роль в Викжеле все же сосредоточилась в руках представителей большинства С'езда—эс-эров, меньшевиков и эн-эсов. Существовала, правда, в Викжеле и группа беспартийных членов, но она, как это всегда бывает, представляла из себя болото, шатающееся из стороны в сторону, затушевывающее нередко принципиальные стороны вопросов. Это болото в критические моменты, или отходило в сторону, или становилось на сторону правых.

Чувствуя свою слабость, вся «левая» Викжеля об'единилась в так называемую «рабочую группу». Председателем Викжеля первоначально был избран правый эс-эр Орехов, а впоследствии за 1—1½ месяца до Октябрьской революции, эс-эр Малицкий (определившийся как левый уже после Октябрьской революции).

В соответствии с уставом и задачами, намеченными на Всеросийском С'езде, вновь образованный союз, возглавляемый Викжелем представлял из себя, по меткому выражению т. Лозовского «Мюр и Мерилиз», который до Октябрьской революции топтался на месте, обивал пороги передней министерства путей сообщения, разрабатывал многочисленные проекты контактной работы с правительством и контроля над управлением транспорта, и тарифной разбивки железнодорожных работников на категории, и упорядочения дела милиционной охраны путей сообщения,—и на все свои проекты получал отказы от правительства.

Момент для создания сильно авторитетного Всероссийского Центра Железнодорожников был очень благоприятный, так как это был у железнодорожников первый союз после 1905 г., стремление к организационной спайке было очень сильно, и в широких массах железнодорожников чувствовалась потребность в сплочении вокруг какого-то центра. Но Викжель таким центром, в полном смысле этого слова, стать не мог, так как ни он, ни сам союз не представляли из себя классовой организации с ясными задачами классовой борьбы. Значит-ли это, что Викжель не пользовался авторитетом среди железнодорожных масс? Отнюдь нет. Наоборот, среди мелко-буржуазной, т.-е. самой многочисленной части железнодорожников, он именно пользовался авторитетом, так как последняя чувствовала в нем свое родное детище, свою классовую природу, свою организацию. Не слишком много и не слишком мало, не слишком вправо и не слишком влево—вот мелко-буржуазная тактика Викжеля.

И как ярко она выявилась, например, в проведении Викжелем сентябрьской экономической забастовки, которой должна быть посвящена целая книга, но на которой я остановлюсь лишь в кратких словах. Всероссийский Учредительный С'езд железнодорожников выработал шкалу экономических требований с установлением прожиточного минимума. Викжель, с первых же шагов проведения этого постановления в жизнь, наткнулся на непреодолимые препятствия. В министерстве путей сообщения он получил категорический отказ, у Керенского он выслушал истерическую речь на тему о страдающей родине и несвоевременности желания

железнодорожников быть сытыми и одетыми, у Чхеидзе и «Либердана», в Смольном, столкнулся с дипломатическим влиянием, оттяжками и полным бессилием оказать какое-либо давление на правительство. Даже т. Рязанов, напустившийся на Либера в этом заседании с кулаками в защиту «своих» железнодорожников, ничего не мог сделать. Претерпев неудачу, Викжель потолковал, погоревал, но никаких энергичных мер не принял. Железнодорожники, однако, оказались на этот раз далеко не столь нерешительными и покорными, как Викжель, в своей неудаче.

Началось стихийное, хаотическое прекращение работ в различных частях сети жел. дор., и Викжель встал перед вопросом, что всеобщая стачка этак может прокатиться через его голову и захлестнуть его с головой в своих волнах. Казалось бы ясно, что теперь то не может быть сомнений в том, чтобы стать во главе бурного стачечного движения и ввести его в организационные рамки, дабы действительно добиться каких-нибудь результатов. И что же мы видим? Колебания и сомнения внутри самого Викжеля! Один из лидеров Викжеля эс-эр Крушинский, боясь, что остальные эс-эры—из членов Викжеля—будут голосовать за всеобщую стачку, помчался из Москвы в Петроград в Центральный Комитет эс-эров и добился от него постановления о запрещении голосовать за забастовку... И когда, несмотря на колебания болота и голосование эс-эров и части меньшевиков против забастовки,—рабочей группе Викжеля удалось с большим трудом, незначительным большинством, протащить постановление об об'явлении Всероссийской стачки,— этот же лидер Викжеля—Крушинский написал заявление о своем уходе из Викжеля в виду невозможности взять на себя ответственность за последствия стачки (Впрочем, Крушининский смалодушествовал порвал это заявление и остался в Викжеле). Таково было настроение Викжеля перед об'явлением стачки. А дальше? А дальше, об'явив всеобщую забастовку, встреченную с громадным под'емом железнодорожниками, проведя ее в течение нескольких дней с удивительной дисциплинированностью мест, свидетельствовавшей о редком сочувствии ей на низах,—не добившись в течение этих нескольких дней ничего иного, кроме честного слова Керенского, что меры экономического улучшения железнодорожников будут Правительством приняты (все фактически осталось по-старому до Советского Правительства, когда железнодорожники были целиком удовлетворены декретом от 2 декабря 1917 г.).—Викжель об'явил всеобщую стачку законченной, несмотря на протесты рабочей группы, протесты с мест и громадное недовольство пролетарской части железнодорожников.

Вот характерный штрих из деятельности Викжеля, свидетельствующий об его *половинчатости,* расплывчатости, соглашательстве, т.-е. о таких его качествах, которые целиком свойственны природе мелко-буржуазной организации. Во-время вступить в борьбу, смело ринуться в бой, довести дело до конца, все это было чуждо Викжелю!..

Говоря о том, что Викжель пользовался авторитетом среди мелко-буржуазной части железнодорожников, мы должны одновременно оттенить и отношение к нему в дооктябрьский период пролетарской части железнодорожной массы. Чрезвычайно характерна в этом отношении та позиция, которую занимали к нему Петроградский и особенно Московский узлы рабочих и мастеровых-железнодорожников. Помню одно чрезвычайно интересное заседание железнодорожников Московского узла—общее собрание железнодорожников-большевиков всего узла (в августе 1917 г.), на котором присутствовали почти исключительно рабочие мастерских и депо. По вопросу об оценке Викжеля все сошлись на одном, что это организация не классовая организация, не революционная организация, которая не сумеет и не сможет стать вождем железнодорожного пролетариата. Все были также единодушны в том, что Викжель необходимо *взорвать,* но крупные расхождения получились по вопросу о тактике, т.-е. взорвать ли его извне или изнутри. Многие товарищи, как, например, т. Пятницкий, я и другие, доказывали, что попытка взрыва извне может дать как раз обратные результаты, укрепив положение Викжеля; что в переживаемое время никакой другой организации на смену Викжеля нет, и что необходимо повести работу внутри него и союза для производства этого взрыва изнутри. Точка зрения взрыва извне, возглавлявшаяся т. Амосовым, была отвергнута и принято было предложение т. Пятницкого. Приблизительно такое же отношение к Викжелю наблюдалось и со стороны питерского железнодорожного пролетариата, который совместно с московскими железнодорожниками-рабочими и рабочей группой Викжеля начал спешно производить организационную работу по об'единению всего пролетарского элемента железнодорожников во всероссийском масштабе, в секцию рабочих и мастеровых. Таково было отношение в после-февральские дни пролетарской части железнодорожников к Викжелю.

Для характеристики Викжеля необходимо еще остановиться на моменте отношения его к политическим вопросам, к «политике». Викжель,—что было свойственно его природе—«политики» страсть как не любил, и стремился всегда увильнуть от разрешения принципиальных политических вопросов. «Мы не политическая организация, внутри нас люди разных политических взглядов и оттенков, для чего же нам впутываться в разрешение политических вопросов?» Такова была точка зрения Викжеля, которую он полностью проводил в жизнь. Остановлюсь в подтверждение сказанного на двух примерах. На демократическое совещание, созванное 12 сентября 1917 г. в Петрограде, был приглашен и Викжель, который получил 25 мест для своих представителей. Большинство мест Викжель оставил, если не ошибаюсь, себе кажется (15), а остальные распределил между *местами.* Было решено выступить и представителю Викжеля. Все, в том числе и Викжель, знали, что гвоздем программы занятий демократического совещания явится вопрос о «коалиции». Уклоняясь и в данном

случае от прямого разрешения вопроса,—поддерживать или проваливать «коалицию» Викжель поручил своему представителю-докладчику не касаться на совещании вопроса о коалиции, а, обрисовать лишь тяжелое положение транспорта того времени. Выбор докладчика, однако, Викжелем был сделан «неудачно», так как, несмотря на запрещение Викжеля, он связал катастрофическое положение транспорта с «коалицией» и всем своим докладом проваливал последнюю. Дело, впрочем, не в докладчике, а в том, что в решительный момент развития революции, Викжель проявил половинчатость, боязнь влететь в «политику», желание увильнуть от разрешения самого главного, самого важного в тот момент вопроса.

Подобный случай прятания Викжелем своей головы под крыло повторился в связи с выходом из предпарламента представителя железнодорожников (их было в предпарламенте 5 или 6), т. Мамаева совместно со всей фракцией большевиков накануне Октябрьской революции. На заседании Викжеля по этому вопросу было внесено два крайних предложения: одно—признать действие т. Мамаева правильным и отозвать из предпарламента и других представителей Викжеля, другое—исключить Мамаева из союза за выход его из предпарламента. Но из нутра Викжеля прет наружу половинчатость, боязнь занятия определенной ясной позиции, и после горячих дебатов решается все оставить так, как оно есть: вышел Мамаев из предпарламента, ну и ладно, остаются остальные 5 представителей в предпарламенте, ну, пусть и остаются.

Заканчивая беглый обзор «дооктябрьского» Викжеля, не могу не отметить, что большевистскими верхами уделялось слишком мало внимания Викжелю, как самому крупному центральному комитету одного из союзов российского профессионального движения. Правда, Викжель не был чисто профессиональной организацией, но помимо него у железнодорожников, кроме многочисленных реакционных, шкурнических в худшем смысле этого слова, союзников ничего не было, и совету профсоюзов, возглавлявшемуся в то время т.т. Лозовским и Рязановым (оба члена партии большевиков в то время), надлежало больше обращать внимания на эту «уродливую» детину. А между тем Викжель их как-будто и вовсе не интересовал. Помню, в сентябре 1917 г., я специально приезжал из Москвы в Питер к т. Лозовскому с целью договориться с ним о тактике в отношении взрыва Викжеля изнутри, организационных форм создания пролетарского союза и пр. и никаких раз'яснений в своем десятиминутном разговоре на ходу от чрезвычайно равнодушного ко всем этим вопросам т. Лозовского не получчил. Обрати партия большевиков тогда больше внимания на Викжель, возможно, что многие нежелательные последствия были бы избегнуты.

II.

Позиция Викжеля в октябрьские дни.

Октябрьская революция застала Викжель, в полном смысле слова, врасплох и неподготовленным.

Отмахиваясь, как было указано выше, от обсуждения и разрешения общеполитических вопросов, связанных с развитием русской революции, Викжель, естественно, был ошеломлен наступившими событиями. Но насколько неясным для него представлялись события свидетельствует тот факт, что, имея пребывание в Москве, он лишь после настоятельных требований своего Петроградского бюро, осаждавшего его депешами и переговорами по прямому проводу, с 23-го октября решил выехать в Питер. Окончательно на это решение подействовало сообщение 25 октября Петроградского бюро о том, что возникает возможность захвата большевиками министерства путей сообщения.

25-го октября вечером Викжель выехал in corpore в Петроград, оставив в Москве лишь небольшое Бюро в несколько человек.

Прибыв в Петроград 26-го утром, Викжель нашел министерство путей сообщения в необычайном смятении, так как министр путей сообщения Ливеровский бежал, его товарищ Тахтамышев оказался арестованным, и все служащие министерства в величайшем волнении.

По сообщению Петроградского Бюро Викжеля, тов. Бубнов был назначен народным комиссаром путей сообщения и предложил Викжелю образовать во главе министерства коллегию из представителей Викжеля под председательством его, Бубнова, на что Бюро не дало никакого определенного ответа, сославшись на свою неправомочность.

Днем же, 26 октября, на экстренное заседание Викжеля, устроенное в связи с создавшейся обстановкой, явился тов. Бубнов, который от имени революционного комитета призвал Викжель работать совместно с партией большевиков в интересах облегчения победы пролетарской революции. Викжель, который во всех обстоятельствах жизни боялся дать ясный и прямой ответ на коренные и основные вопросы, уклонился и здесь от прямого ответа, сославшись на необходимость детально обсудить этот вопрос на своем совещании.

На последовавшем за сим совещании и была фактически выра-

ботана Викжелем платформа, которая в последующих постановлениях лишь дополнялась и изменялась в деталях.

После горячих прений и обмена мнений, Викжель пришел к заключению, что С'езд Советов, заседавший в то время в Смольном, возбуждает сомнения в своей правомочности и что единство демократического фронта развернувшимися событиями разрушено. Налицо имеются две враждующие стороны — комитет спасения родины и революции и военно-революционный комитет, которые решают спор силою оружия. С одной стороны, рассуждал Викжель, Временное Правительство, как цензовое, себя скомпрометировало и поэтому заслуживает ликвидации, но с другой стороны, недопустим, в интересах сохранения единого демократического фронта, захвата власти одной какой-либо партией. Вместе с тем, продолжал свои рассуждения Викжель, нельзя не признать, что большевики есть течение идейное, которое силой оружия подавить нельзя. Союз же железнодорожников включает в свой состав лиц самого разнородного направления: железнодорожные управления и старшие агенты на линии примыкают преимущественно к правым кадетским течениям, мастерские же почти сплошь настроены большевистски. Если мы, подошел к выводам Викжель, примем ту или другую сторону, то тем самым внесем внутреннюю гражданскую войну среди железнодорожников и эта война моментально остановит и разрушит железнодорожную работу, вызовет громадное число кровавых столкновений и потопит рельсы в море крови.

Таковы, конечно, лишь в общих контурах, соображения Викжеля, из которых он исходил при выработке своей платформы. Я их привожу со всей об'ективной точностью, пользуясь заметками одного из членов ревизионной комиссии Викжеля, сделанными в виде записей дневника во время Октябрьской революции.

На основании указанных соображений Викжель вынес следующее постановление, адресованное телеграммой по всем местным железнодорожным организациям и советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов:

«Викжель заседании Петрограде два шесть октября в виду отсутствия настоящий момент уверенности правомочности созванного сейчас С'езда Советов, отсутствия власти авторитетной для всей страны и руководясь необходимостью сохранения единства демократического фронта и самого существования Российской Республики, а также для сохранения транспорта от полной разрухи,—постановил: 1) Викжель относится отрицательно к захвату власти одной какой либо политической партией, 2) власть должна быть революционно-социалистической и ответственной перед полномочным органом всей революционной демократии, 3) впредь до организации такой власти все распоряжения по ведомству путей сообщения в том числе и по всей сети железных дорог подлежат исполнению лишь в том случае, если они исходят от Викжеля, 4) органы местных дорожных союзов обязаны

усилить свою деятельность по контролю над действиями администрации, 5) Викжель принимает на себя общее руководство всем ведомством путей сообщения и для фактического управления текущими делами ведомства избрал из своей среды Бюре из пяти лиц, 6) главным дорожным комитетам (организации, стоящие во главе каждой жел. дор.— П. В.) *предоставляется в случае неясности право назначить особых комиссаров к Н* (условный знак, означающий «начальник дороги»—П. В.) *с доведением до сведения Викжеля, 7) охрана железных дорог и ведение железнодорожного хозяйства в целях сохранения транспорта, который может быть нарушен посторонними для железнодорожников организациями, не знакомыми с техническими условиями железнодорожного дела, принимается железнодорожным союзом всецело на себя, а потому предлагается всем общественным и революционным организациям признавать все выборные должности железнодорожного союза, в том числе и комиссаров милиции, коим одним предоставляется право требовать охраны станций и путей воинскими отрядами, кои должны действовать не иначе как в согласии с комиссарами милиции. Председатель Викжеля Малицкий, секретарь Нестеренко».* [1]

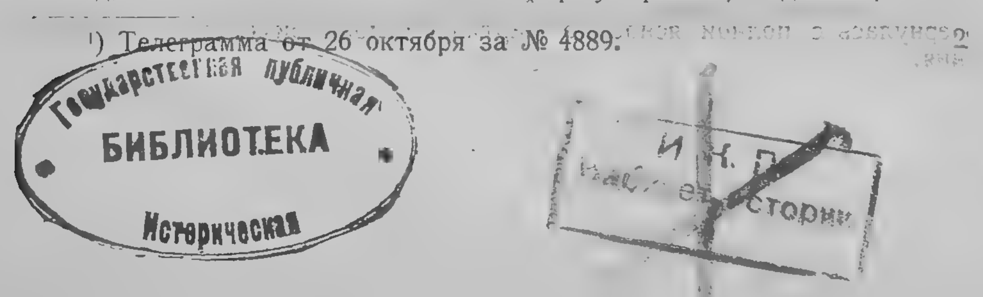
Как мы видим из приведенной телеграммы, основные положения, установленные Викжелем, сводятся к следующему: 1) Временному Правительству возврата быть не может и должно быть создано нецензовое Правительство из представителей социалистических партий; 2) управление министерством путей сообщения как и охрану дорог, из боязни захвата их одной лишь партией (читай «большевиками»),—что Викжелем осуждается,—Викжель берет на себя, и 3) зная хорошо кадр начальников дорог, как явно контр-революционный элемент, Викжель, суб'ективно не желая контр-революции, вводит на дорогах институт комиссаров.

Как мы видим установленная в первый момент платформа Викжеля, принимая во внимание его природу, не так уже скверная.

Правда, он проглядел главное, проглядел то, что стояло за спиной борющихся между собой комитета спасения и военно-революционного комитета. Сводя разыгравшуюся борьбу к борьбе двух или нескольких организаций, Викжель проглядел настоящую природу гражданской войны, как вооруженную решительную борьбу двух классов, но от Викжеля нелепо было бы ожидать правильную оценку событий в первый момент принятого решения.

Один момент в принятом им постановлении является для него чрезвычайно характерным. Он устанавливает ответственность революционно-социалистического Правительства перед полномочным органом всей революционной демократии, не оговаривая ясно, что он под последним разумеет: Учредительное Собрание или же С'езд Советов. Такая неясность формулировки, недоговоренность

[1]) Телеграмма от 26 октября за № 4889.

явилась именно благодаря классовой пестроты Викжеля. Чтобы избежать обострения споров и разногласий внутри себя Викжель счел за благо лучше не договаривать, оставляя каждому мысленно делать выводы, какие ему заблагорассудятся [1]).

Но политическая позиция Викжеля все же оставалась недостаточно выявленной принятым решением; неясным оставалось, какую же позицию, практически, реально, займет сам Викжель в окружающей его борьбе: останется ли пассивным зрителем, предоставив событиям развиваться своим естественным ходом, или же вмешается в той или иной форме в борьбу.

После целого ряда заседаний, категорических запросов с мест, как себя держать, переговоров с тов Рязановым, являвшимся в течение этих и последующих дней фактически посредником между Викжелем и Военно-революционным комитетом, Викжель, наконец, вынес следующее решение, разосланное по всей России телеграммой:

> *«Железнодорожный союз, включая в себя представителей всевозможных партий и течений, не может принимать активного участия в борьбе между социалистическими партиями. ОРГАНЫ СОЮЗА ДОЛЖНЫ СОХРАНИТЬ НЕЙТРАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ* (этот прописной курсив, как и дальнейший, не мой—П. В.), *ибо только при условии нейтральности железные дороги могут выполнять задачи транспорта. ОРГАНЫ СОЮЗА ДОЛЖНЫ ПРИНИМАТЬ ВСЕ ДОСТУПНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВ ДВИЖЕНИЯ ВОЙСК ИДУЩИХ ДРУГ ПРОТИВ ДРУГА В БОРЬБЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ МЕЖДУ СОБОЙ. Вместе с тем союз и его органы должны принимать решительные меры против войск направляемых для разгрома социалистических партий и демократических организаций. Все представители органов союза должны НЕМЕДЛЕННО ВЫЙТИ ИЗ ВСЕХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОВОДЯЩИХ В ЖИЗНЬ ВООРУЖЕННУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ БОРЬБУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ. Железнодорожный союз может предоставить весь свой технический аппарат и силы только той организации, которая обязуется образовать однородное социалистическое правительство, представляющее все социалистические партии от большевиков до народных социалистов включительно и ответственно перед правомочным органом революционной демократии, имеющим действовать до Учредительного Собрания, созыв коего ни в коем случае не может быть отсрочен. Союз высказывается самым решительным образом и примет самые решительные меры вплоть до полной остановки движения против насилий над железнодорожниками и органами союза, откуда бы такие насилия ни исходили. ЦИК Всерос-*

---

[1]) В заседании Викжеля по этому поводу были горячие прения, где развернулась с полной ясностью картина непримиримости двух точек зрения.

сийского Железнодорожного Союза принимает все меры к ослаблению и к прекращению кровопролития в борьбе социалистических партий между собой и предлагает всем органам союза немедленно принять все зависящие от него меры к прекращению междуусобия, к прекращению вооруженной борьбы и к спасению революции. Председатель Малицкий, секретарь Нестеренко».[1])

Вот теперь позиция Викжеля стала после приведенного постановления совершенно ясной. Викжель об'являет *нейтралитет*, он не желает примкнуть ни к одной стороне, он желает стать в позу какой-то надклассовой организации. *Но об'являемый им нейтралитет не пассивен.* Если бы он остался лишь только зрителем происходящих боев, если бы он лишь пассивно следил за исходом боя, тогда его нейтралитет был бы пассивным нейтралитетом. Но он говорит в своем постановлении другое: он говорит: «Вы сражаетесь между собой, это нехорошо, и мне не нравится, и я не могу допустить, чтобы вы использовали транспорт в своей борьбе». Каждому ясно, что гражданская война в XX столетии при широко развитой сети путей сообщения не может происходить вне путей сообщения и в первую голову—жел. дор. Чувствовал это и Викжель, и поэтому он не случайно, а сознательно встал на путь активного нейтралитета, т.-е. нейтралитета, сводящегося к тому, чтобы, не примыкая ни к одной из сторон, активно вмешаться в борьбу в целях ее прекращения: «Принимать меры к прекращению всякого передвижения войск, идущих друг против друга или на подкрепление одной из борющихся партий, а также направляемых для разгрома социалистических партий и демократических организаций». Это и есть признаки самого активного нейтралитета. Активность нейтралитета в переводе на реальный язык означает: отказ поездов, отказ в предоставлении телеграфных средств, связи и т. п. борющимся сторонам. Активность выступает здесь со всей силой и яркостью, ибо ни одна, ни другая из борющихся сторон без железнодорожных средств сообщения обойтись не могли, и поэтому Викжель здесь выступает в качестве третьей активной стороны между двумя борющимися классами. Он подкрепляет свой активный нейтралитет угрозой по адресу обоих борющихся сторон, говоря, что аппарат железнодорожного транспорта предоставит лишь той организации, которая примет его условия. Викжель здесь уже диктует, требует, угрожает, подчеркивая свой *активный нейтралитет*.

Позиция Викжеля таким образом, повторяем, стала ясной и определенной: *платформа Викжеля—однородное социалистическое правительство от большевиков до эн-эсов включительно; тактика его—активный нейтралитет*. Ясно ли теперь, на третий день раз-

---

[1]) Телеграмма от 28-го октября. Номер телеграммы не сохранился.

вернувшихся событий, понимал Викжель, что вокруг него происходит? Безусловно нет. Особенно характерна в этом отношении та часть его постановления, где он грозит принять меры к полной остановке движения (т.-е. об'явить забастовку), *в случае совершения насилий над железнодорожниками.*

Железнодорожники, видите ли, откажут в перевозке эшелона красногвардейских рабочих, спешащих на выручку путиловским рабочим под Красным Селом, железнодорожники задержат эшелон казаков, спешащих на поддержку Керенского в Гатчино, железнодорожники будут под носом у обоих сторон разбирать пути, выключать телеграфные провода и пр., а борющиеся стороны, по катехизису Викжеля, должны на это смотреть спокойно, не прибегая ни к каким насилиям!? Конечно, бесспорно, что Викжель не сознавал, что перед его глазами разыгрывается пролетарская социальная революция, последний бой двух классов за власть, где вопрос решается только силой оружия.

События, однако, с каждым часом принимали все более грандиозные размеры, гражданская война зажглась во всех концах России и голос Викжеля с призывом прекратить «братоубийственную» войну тонул в грохоте пушек и дыме пороха. Викжель очень остро почувствовал, что ему необходимо принять какие-то энергичные меры к выполнению своего постановления, особенно в части «ослабления и прекращения кровопролития».

Чрезвычайно терроризирующе подействовало на Викжель сообщение о разыгравшихся событиях в Москве, сделанное по прямому проводу из Москвы членами Бюро Викжеля:

> «*Мы* (т.-е. Московское Бюро Викжеля) *просим вас принять экстренные, энергичные меры к скорейшему окончанию кровопролития, так как за вчерашний день убитых и раненых достигло до семьсот человек. На всех улицах, и особенно из Московской городской управы товарищ Гар* (эс-эр, член Бюро Викжеля—П. В.), *который даже с ужасом не может описать того, что происходит в городе. Везде расставлены броневики, тяжелая и легкая артиллерия, а потому просим принять все меры, чтобы закончить это кровопролитие»* [1]) *«в Москве братобийственная война дошла до ужасающих размеров; за вчерашний день и ночь число убитых и раненых достигло до семьсот человек. На всех улицах и особенно в центре происходят сражения. Толпа осаждает винный склад; если не удастся его отстоять, то несколько сот тысяч ведер попадут в руки толпы. Анархия неизбежна... Москва дальше в таком состоянии оставаться не может»* [2])

Получив такие сообщения, Викжель, чувствуя некоторую опору на местах, решил в резкой форме вмешаться в происходящие

---

[1]) Мною сохранен полностью силь этого сообщения, сделанного членом Викжеля Добытина по прямому проводу.

[2]) Сообщение, сделанное членом Московского бюро Викжеля Шехановым по прямому проводу в 11 час. утра.

события в целях осуществления своей платформы и прекращения «братоубийственной» войны.

29-го октября им было вынесено постановление следующего содержания и разослано всем, всем, всем:

«В стране нет власти и идет ожесточенная борьба за власть. Каждая из спорящих сторон стремится создать эту власть силою оружия. Идет братоубийственная война. В то время как внешний враг угрожает свободе народа, демократия решает свои ВНУТРЕННИЕ СПОРЫ кровью и железом. Временное правительство, возглавляемое Керенским, оказалось не в силах удержать в своих руках власть. Образовавшийся в Петрограде Совет Народных Комиссаров, как опирающийся только на одну партию, не может встретить признание и опоры во всей стране. Необходимо создать такое правительство, которое пользовалось бы доверием всей демократии и обладало бы моральной силой удержать эту власть в своих руках до созыва Учредительного Собрания. Такую власть можно создать только путем разумного соглашения всей демократии, но ни коим образом не силой оружия. Братоубийственная война никогда не создавала и никогда не может создать власть авторитетную для всей страны. Народ, отвергающий смертную казнь как форму правомочного воздействия и войну как способ разрешения международных споров не может признать гражданскую войну за способ разрешения своих внутренних споров. Всякая гражданская война ведет явно к контр-революции и бывает выгодна только врагам народа. В видах сохранения свободы страны и спасения революции Центральный Исполнительный Комитет Всероссийского Железнодорожного Союза с самого начала настоящей междуусобицы признал для себя обязательным строгий нейтралитет и об'явил, что единственным средством достижения мира внутри страны он признает однородное Правительство, в создании которого должны принять участие все социалистические партии от большевиков до народных социалистов включительно. К этому призыву союза присоединились многие общественные организации и партии Пет-рограда и Москвы. ЦИК железнодорожного союза заявил и заявляет всем гражданам, рабочим, солдатам и крестьянам свое непреклонное решение и категорическое требование: НЕМЕДЛЕННО ОСТАНОВИТЬ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ и сплотиться для образования однородного революционного социалистического правительства. Железнодорожный Союз заявляет, что он к проводению своего решения будет стремиться всеми имеющимися у него средствами вплоть ДО ПРЕКРАЩЕНИЯ ВСЯКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ДОРОГАХ. Остановка движения наступит в двенадцать часов ночи сегодня двадцать девятого на тридцатое октября, если к тому времени боевые действия в Петрогра-

де и Москве не будут прекращены. Всем железнодорожным организациям предлагается немедленно принять все меры к проведению таковой забастовки в жизнь и сейчас организовать стачечные комитеты. Железнодорожный Союз об'являет всех, кто будет продолжать решать споры внутри страны силою оружия, врагами демократии и предателями родины. Город Петроград, двадцать девятого октября, Центральный Исполнительный Комитет Всероссийского Железнодорожного Союза. Председатель Малицкий, секретарь Нестеренко» [1]).

Итак, жребий брошен, рубикон перейден. Викжель угрозой забастовки хочет прекратить гражданскую войну Должен здесь отметить, что Викжель сам мало надеялся на осуществление своей угрозы. Большинство членов его понимало, что забастовка не только не прекратит гражданской войны, но наоборот придаст ей наиболее уродливые формы, втянув в нее в первую голову самих железнодорожников («наши управления и старшие агенты на линии примыкают преимущественно к правым кадетским течениям; мастерские почти сплошь настроены большевистски»,— дает оценку один из правых членов ревизионной комиссии Викжеля в своих записях об Октябрьских днях). Да к тому же Викжель отлично понимал, что провести забастовку организованно и полностью он не сможет, благодаря резким классовым группировкам среди железнодорожников. Викжель стремился, что отчетливо явствовало из прений на заседании, силой угрозы забастовкой заставить все социалистические партии сойтись на общее заседание для взаимных переговоров. Это подтверждается двумя моментами. С одной стороны, Викжель, веря в осуществление прекращения гражданской войны, знал, конечно, о невозможности выполнения своего требования прекратить гражданскую войну в течение нескольких часов по пред'явлении ультиматума (до 12 часов ночи того же дня), а с другой стороны, правильность установленного мною положения подтверждается следующей телеграммой, данной им в тот же день, 29 октября, только поздно вечером:

«В виду происходящего в настоящий момент по инициативе Викжеля совещания представителей враждующих сторон по вопросу примирения и образования нового правительства, начало забастовки отсрочивается до особого об'явления стачечного комитета. Стачечные комитеты остаются на местах в полной готовности. Всякое передвижение войск для участия во внутренней борьбе должно быть немедленно приостановлено всеми мерами. Стратегические передвижения войск и группировки для внешнего фронта ни в коем случае не должны прекращаться».

---

[1]) Телеграмма от 29 октября 1917 г. за № 5128. Приведена она мною полностью, как любопытный исторический документ. Прописной курсив всюду мой. П. В.

В приведенном выше постановлении Викжеля (телеграмма за № 5128) опять подчеркивается полное им непонимание происходящих событий. Викжель видит в последних только «внутренние споры партий» и не больше; он требует «соглашения всей демократии», не учитывая того, что наряду с революционной существует и буржуазная, в данный момент контр-революционная демократия, которую он сам готов отвергнуть; наконец, он требует «немедленной остановки гражданской войны», что звучит также наивно, как требование «остановить солнце».

Для оглашения приведенного постановления был командирован в Смольный один из членов Викжеля, который, получив внеочередное слово на происходившем в то время заседании ВЦИК под председательствованием тов. Каменева, об'явил постановление Викжеля [1]). Предложение Викжеля было единогласно принято, заседание ВЦИК прервалось, и в ту же ночь состоялось в помещении Викжеля первое совещание всех социалистических партий, о чем мною будет изложено ниже.

В дополнение к раз'яснению и развитию своей платформы Викжелем был вынесен целый ряд добавочных постановлений и разослано изрядное количество циркулярных телеграмм, но я полагаю, что изложенного выше достаточно для выяснения позиции, на какой стоял Центральный Исполнительный Комитет Железнодорожного Союза в дни Октябрьской революции.

Уже через несколько дней, неделю жизнь показала все банкротство тактики викжелевского нейтралитета (об этом ниже), и некоторыми членами слева был поднят вопрос о прекращении нейтралитета и признания безоговорочно Советской власти. Предложение, естественно, было провалено и тактика Викжеля, по крайней мере, чисто-формально, оставалась той же до окончания баррикадной борьбы в Москве и победы пролетариата под Петроградом. Мало того, через две недели, 13 ноября, на Всероссийской Железнодорожной Конференции главных дорожных комитетов, созванной Викжелем, последний в лице своего председателя и целого ряда докладчиков не только оправдывал позицию нейтралитета в Октябрьские дни, но и доказывал ее неоспоримую правильность и наличность от нее положительных результатов [2]). Викжель был уверен в том, что его активный нейтралитет сыграл

---

[1]) Доклад члена Викжеля, сделанный на заседании ВЦИК, был в свое время опубликован в различных петроградских газетах.

[2]) „Наша позиция нейтралитета оправдывается.. сознанием того, что нас выбирали как большевики, так и небольшевики... Эта наша позиция дала положительные результаты“ (из речи председ. Викжеля стенограф. отчет). „К нему (к транспорту—П. В.) протягивались руки и Керенского, и большевиков, каждый захотел завладеть им в своих целях. Но будем помнить, что на железнодорожный союз имеет право весь русский народ, вся родина. Чтобы сохранить его для всего русского народа, нужно было заявить о нейтральной позиции, которую Викжель и заявил.. Дальнейшее показало. что наша позиция, примиряющая враждующие стороны, была позицией правильной“ (из речи одного из докладчиков Викжеля).

положительную роль смягчив страсти и умерив кровопролитность Октябрьских боев, к чему он стремился во всех своих постановлениях и своей тактикой [1]). И конференция согласилась с Викжелем, вынося в части оценки платформы Викжеля следующее постановление: «... занятая Викжелем и железнодорожным союзом в самом начале настоящих событий позиция активного нейтралитета была вызвана необходимостью возможного со стороны железнодорожников активного противодействия гражданской войне и признается железнодорожниками за единственно правильный путь к прекращению вооруженного столкновения и к сохранению в целости железнодорожного транспорта—основного нерва хозяйственной жизни страны [2]).

Полагая, что позиция Викжеля в Октябрьские дни ясно очерчена приведенными выше документами (как Викжель проводил свою позицию, как к ней относились партии, железнодорожники и различные организации, что из этого вышло и пр. об этом ниже), мне хотелось бы здесь остановиться еще в двух словах на суммировании тех причин, которые вызвали именно *данную,* а не иную позицию Викжеля, ибо последняя является не случайностью, не плодом фантазии того или иного лидера Викжеля, а вытекала с логической необходимостью из существа самого дела.

Первая и основная причина принятия указанной позиции Викжеля может быть ярко выражена в следующих словах тов. Ленина: «Мелкий буржуа неминуемо и неизбежно, во всех странах и при всяких политических комбинациях, колеблется между революцией и контр-революцией... и колебания мелкого буржуа по существу самого устройства современного общества неизбежны и неустранимы [3]). Именно благодаря главенствующему влиянию в Викжеле, а также среди железнодорожников того периода представителей мелкобуржуазных партий (эс-эров, эн-эсов, меньшевиков), позиция Викжеля, как колебания между революцией и контр-революцией, «вытекала с логической необходимостью». Эта «мелкобуржуазная» политика Викжеля еще усугублялась и «межклассовой» пестротой организации, в которой сталкивались все время различные точки зрения и совершались постоянные компромиссы. Не примыкая ни к одной из сторон, и не будучи заинтересован ни в победе правых, ни в победе левых, Викжель испугался гражданской войны и хотел ее «остановить». Он понимал сущность гражданской войны, рассматривая ее частью как «внутрипартийные споры», частью как заговор, мятеж, бланкизм. Колеблясь

---

[1]) „... а здесь в Москве они (т. е. активные шаги большевиков к захвату власти—П. В.) отозвались вооруженным столкновением со всеми ужасами гражданской войны, и только 5 ноября, благодаря вмешательству нашей организации умолкла орудийная и пулеметная стрельба и немного рассеялся кровавый призрак разрушения, который бросил зловещую тень на все Октябрьские события“ (из речи другого докладчика).

[2]) Разослано телеграммой 14 ноября 17 г. № 1200 по всей республике.

[3]) Брошюра Ленина: „Победы кадетов и задачи рабочей партии“.

между революцией и контр-революцией, Викжель отлично сознавал, что Временное Правительство обанкротилось, но вместе с тем, он не желал и диктатуры пролетариата (или как он выражался «захвата власти одной партией большевиков»). Поэтому он стремился к середине: ни реставрации, ни диктатуры, а «соглашение всей демократии». Этого соглашения он добивался в сознании своей силы (во многом очень призрачной), обладания важнейшими материальными средствами (пути сообщения, телеграфная связь и пр.).

В рассуждениях Викжеля о своей платформе немаловажную роль играли и соображения о сохранности транспорта. Учитывая классовый состав железнодорожников, Викжель боялся втянуть их в гражданскую войну. Желание это было для него вполне понятно. Но, во-первых, он проглядел то обстоятельство, что железнодорожники, помимо и вопреки его воли оказались втянутыми в гражданскую войну (чрезвычайно характерны массовые случаи арестов и насилий, произведенных одной частью железнодорожников над другой частью железнодорожников), а, во-вторых, на повестке Октябрьской революции, стоял основной вопрос—захват власти пролетариатом из рук буржуазии, который поглощал собой все остальные, может быть, и важные, но для данного момента второстепенные вопросы.

III.

Как Викжель проводил свою платформу в жизнь.

I.

Определив свою платформу, Викжель решил использовать свое «нейтральное» политическое положение в целях создания из себя центра совещания всех политических партий. Пользуясь «обладанием», в руках железнодорожного союза, транспортным аппаратом, Викжель силою угрозы всеобщей стачки вынудил 29-го октября вечером сойтись на совещание представителей всех социалистических партий и различных общественных и демократических организаций.

Эти совещания, не имеющие, может быть, во всех своих деталях прямого отношения к затрагиваемому здесь вопросу, мне хотелось бы осветить более подробно, как чрезвычайно ценный исторический момент, неисследованный и мало кому известный.

Первое совещание, созванное Викжелем, состоялось 29-го октября в 7 часов вечера, в помещении Викжеля в здании министерства путей сообщения под председательством Малицкого и при секретаре Нестеренко [1]). На этом совещании, помимо членов Викжеля, присутствовало 26 представителей от 8 партий и 9 организаций: 1) ЦК РСДРП большевиков—т.т. Каменев и Сокольников; 2) ЦК РСДРП меньшевиков, или как она тогда называлась «об'единенной».—Дан и Эрлих; 3) с.-д. меньшевиков-интернационалистов—Мартов, Мартынов, Абрамович и Семковский; 4) ЦК партии эс-эров—Якобин, Гендельман; 5) левых эс-эров—Малкин; 6) об'единенной еврейской социалистической партии—М. Гутман; 7) польской социалистической партии—Лапинский; 8) еврейской социал-демократической рабочей партии (Поалей-Цион)—Н. Бару; 9) Центрального Бюро об'единенных с.-д. интер-

---

[1]) Все приводимые ниже заявления и выступления представителей различных партий и организаций заносились в протокол секретарем Нестеренко не стенографически и не утверждались последующими заседаниями. Поэтому возможны некоторые неточности в деталях, но не в основном, так как Нестеренко, занимая в указанный период позицию аполитичной беспартийности, гарантировал наибольшую об'ективность ведения протокола.

националистов—М. Каттель и Блюм; 10) Совета Народных Комиссаров—Рыков; 11) ВЦИК—Д. Б. Рязанов; 12) Комитета спасения родины и революции—С. Ф. Знаменский (эн-эс) и Вайнштейн (МК); 13) ЦИК второго созыва—Сагарашвилли; 14) Петроградского самоуправления — Н. А. Артемьев и Н. Г. Брянский; 15) Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов—Покровский; 16) Союза служащих—А. Кондратьев; 17) Союза Служащ. государственных учреждений—А. Малютин; 18) Представитель союза почтовиков [1].

На повестке совещания, Викжелем, был поставлен лишь один вопрос—конструкция власти, и в своем вступительном слове Малицкий кратко раз'яснил присутствующим платформу Викжеля (см. выше) и обещал от имени Викжеля всей силой своего авторитета поддержать ту группу, которая согласится действовать на основе его программы.

Тов. Каменев, высказываясь по существу от имени ЦИК заявил, что «соглашение возможно и необходимо: 1) на почве определенной программы, возвещенной С'ездом Советов; 2) на основе ответственности перед СРС и Кр. Д.; 3) в пределах всех партий, входящих в коалицию советов, т.-е. от большевиков до народных социалистов включительно. Несмотря на то, говорит т. Каменев, что некоторые партии покинули С'езд до того, как выяснилась его физиономия, С'езд постановил все же оставить ЦИК для них открытым и в нем оставлены для них места. Что касается изменений в составе Правительства, то ЦИК является контролирующим и замещающим посты, а потому совершенно ясным является путь изменения состава Правительства. Во всяком случае для ЦИК на первом месте стоит программа Правительства и его ответственность, а отнюдь не личный его состав».

Большую горячность вносит на совещание представитель комитета спасения родины и революции Вайнштейн, своим резким выступлением и заявлением, что платформа Викжеля постольку приемлема, поскольку будет принят состав Правительства «однородный, но без большевиков». Эта позиция поддерживается и представителем служащих государственных учреждений.

Подробнее развил эту точку зрения от имени ЦК ПСР Гендельман, который заявил, что он сюда явился «не для того, чтобы вступать в переговоры с большевиками, а изложить Викжелю точку зрения партии... Здесь, говорит Гендельман, установлены правильно следующие моменты: 1) необходимость социалистического министерства, 2) авантюристический характер большевист-

---

[1]) Список представителей совещания приведен мною согласно имеющегося явочного листа. Возможно, даже вполне вероятно, что некоторые из присутствующих на совещании в явочном листе не расписались. Поэтому я не могу ручаться за исчерпывающий перечень приведенного списка. Должен отметить, что на данном совещании отсутствовал официальный представитель партии народных социалистов, и Знаменский являлся лишь официальным представителем комитета спасения родины и революции о чем он публично на совещании заявил.

-ского предприятия, но неверно то, что всегда можно сговориться: и в среде демократии бывают моменты, когда приходится решать спор силою оружия, и мы считаем немыслимым создание Правительства в каковое входили бы большевики» [1]).

Высказанная Ванштейном и Гендельманом точка зрения была поддержана и обоснована в программной речи Дана, выступившего от ЦК с.-д. меньшевиков «Речь может итти, говорит Дан, уже не о новых шагах вперед, а о спасении остатков революции. Надо укрепиться на месте, чтобы потом попытаться снова итти вперед. Я с негодованием слушал полемику на этом собрании, но надо самим себе отдать отчет и признать, что баланс контр-революции усилился. Мы не видим революционной победы в этом движении, мы не видим сдвига вперед. Переворот этот не есть победа народного движения, а победа чисто военного заговора, действительными силами которого была дезорганизованная солдатчина и поэтому из этого надо сделать вывод: это был заговор против демократии, против ея большинства, что и выразилось в его организации за спиной революционной демократии советов, расколотой его успехом на две половины. И характерно то, что этот анти-демократический заговор всю силу своего террора вынужден обращать против демократии. Буржуазии он еще не коснулся, а здесь из присутствующих мало кто имеется, кто может сказать что на него не будет обращен этот террор (восклицания: «верно, правильно»). Успех заговора так изолировал победителей, у которых нет никакого аппарата власти, что они могут держаться только террором. И вот первое условие соглашения: ликвидация заговора, роспуск Военно-революционного комитета, признание С'езда несостоявшимся, не может быть соглашения, при котором одна группа вынуждена душить всю остальную демократию. Повторяю, ликвидация заговора есть первое предварительное условие. Если это условие будет выполнено, тогда мы все соединенными усилиями будем бороться против грядущей контр-революции. Если это условие не будет выполнено, то защищаться будет не вся, а только душимая демократия. Но когда я слышу о нейтралитете пролетарской организации (намек на Викжель—П. В.), то я вижу, как последняя сама себя губит и непосредственно служит на пользу контр-революционным покушениям. На какой же программе возможно согласиться? На программе комитета спасения, т.-е. образовании демократической власти без большевиков, которые в настоящий момент являются в глазах населения виновниками, несущими ответственность за события последних дней. Участие большевиков оттолкнуло бы массы от Правительства. Большевики

---

[1]) Накануне 28 октября, на вопрос представителям комитета спасения родины и революции, какую последний занимает позицию, они ответили Викжелю следующее (за достоверность чего я отвечаю): „Мы, признавая преемственность власти, предлагаем Керенскому войти в Петроград победителем, восстановить старое Правительство, а потом можно будет образовать и социалистическое министерство, но без большевиков“.

морально и политически обязаны опубликовать акты, в которых обязуются поддерживать эту новую власть, не свергать ее. Большевики не должны входить и по соображениям целесообразности. Вхождение в Правительство других элементов — это не признак торжества над большевиками, а тяжелый крест, который берут на себя другие партии, во имя спасения революции. Всем нам желательно было бы иметь большевиков внутри Правительства, а не вне его; это значительно облегчило бы борьбу с ними, но в то же время это слишком ослабило бы власть. Такова должна быть деловая власть, которая доведет страну до Учредительного Собрания. Вторая задача—это довести конфликт до мирного конца, ибо без этого революция погибла. Но раз сражение началось—вопрос этот с каждым часом ускользает из рук демократии. Соображения безопасности заставляют людей с обоих сторон иметь оружие, и оно слишком часто пускается в ход. Если такое положение продлится дальше, то наступит царство военщины, вызванное самим характером заговора. Поэтому сегодня программа комитета спасения родины и революции дает единственный выход для данного момента. Завтра программы будут писать уже другие».

С возражением против заявлений правых выступает тов. Сокольников, и говорит о том, что ЦК большевиков в основе вполне разделяет программу Викжеля. Большевики не стремятся к власти; на демократическом совещании они предлагали всем вам свою поддержку для однородной революционной власти. Вы не приняли тогда нашего предложения и предупредили весь ход событий. Повторяю, мы принимаем предложение железнодорожников, только организованная нами власть должна быть ответственной перед Центральным Исполнительным Комитетом Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, на платформе второго С'езда. Мы не цепляемся за власть, мы предлагаем ее С'езду, предлагали и другим социалистическим партиям разделить ее с нами. Мы пришли к власти, не путем заговора, а восстания. Так как подлинной властью может быть только власть, опирающаяся на широкие круги рабочих, солдат и крестьян, то неужели вы думаете, что возможно создать *не Правительство, а власть*—без участия большевиков. Мы выслушали здесь угрозы борьбы с оружием в руках (намек на выступление Гендельмана П. В.). Нам говорят, что масса отвернулась от большевиков, но за вами-то нет других сил, кроме тех, кого гражданин Дан называл лучшими защитниками революции. Но кто они? Если гражданин Вайнштейн говорил о разоружении нас, то он хочет разоружить нас войсками Керенского. Если вы хотите сражаться с нами, то вы должны будете сражаться с миллионами рабочих, солдат и крестьян, волю которых мы старались выявить. И пусть все те, кто предпочитает этот выход, возьмут на себя ответственность. Перед вами две перспективы: или «большевистский заговор» будет раздавлен и тогда на очереди казачья диктатура, или же мы победим, так как массы идут за нами, и тогда власть твердо будет находиться в наших руках».

Интересна позиция на этом совещании интернационалистов, которые по традиции ударялись в «золотую середину», уклоняясь в зависимости от оттенков больше вправо или влево. Я привожу их выступления почти целиком. Блюм (от Центрального бюро об'единенных интернац.) возмущен тем, что слышит здесь от эс-эров призыв к применению оружия. «Мы присутствуем здесь, говорит он,—при оригинальном зрелище, когда эс-эры и меньшевики-оборонцы заговорили об однородном социалистическом министерстве. Недавно, еще три—четыре дня тому назад они об этом и не думали... Отдаете ли вы себе отчет, обращается он к правым, что значит поражение большевиков? Ведь выступление большевиков есть выступление рабочих и солдат. Вместе с ними будет раздавлена партия пролетариата. За эсерами и меньшевиками сил немного. При поражении большевиков будут стерты и они (т.-е. большевики—П. В.) и пролетариат... Старые партийные счеты должны умолкнуть, и при поддержке железнодорожного и других союзов должен быть создан единый революционный фронт. Большевики должны быть призваны к умеренности, к величайшей умеренности».

Вслед за Блюмом с длиннейшей примиренческой речью выступает Мартов от меньшевиков-интернационалистов. «Я думаю,—говорит он,— как бы ни было тяжело положение, для социалиста не может быть в нем момента, когда он признал бы возможным разрешить вопрос силою оружия. Для демократии и революции—кто бы ни победил силою оружия—наступит полный крах. Мы не подвинемся ни на шаг вперед, если будем оглядываться назад, обращаться к своим воспоминаниям, оценивать взаимные прегрешения и делать из них выводы. Надо, чтобы каждая из присутствующих сторон сознала, что создался тупик, выход из которого старыми методами не найти. Если большевики будут побеждены силой оружия, то победитель явится третьей силой, которая раздавит всех нас. Товарищи большевики должны понять, что если они сейчас устоят, то это только отсрочка. Власть, созданная методами вооруженного солдатского восстания и одной партией—не может быть признана страной и демократией. С другой стороны, вторая группа, из того факта, что этот заговор мог быть успешным,—не сделала вывода, что, имея за своей спиной силы контр-революции, она одна не сможет править страной, не опираясь на массы, стоящие за большевиками. Ни одна сторона без другой, а тем более против другой, править не сможет. Всякие иллюзии в ту или другую стороны—признак отчаяния. Долг тех, кто в первые минуту сознавал, к чему ведет раскол демократии, «требовать, чтобы это сознание было положено в основу переговоров, не считаясь с соображениями партийного престижа организации, их чувствами и настроениями. Здесь говорят о том, что Правительство, возникшее из соглашения присутствующих сторон, не будет признано страной. Да, нельзя гарантировать после происшедшего и происходящего, что единая демократическая власть встретит признание

страны, но можно ручаться, что всякая другая власть окажется в худшем положении и не доведет страны до Учредительного Собрания. Нам нужна мирная ликвидация кризиса, путем соглашения обеих сторон—восставших и поднявших протест против этого восстания. Для этого необходима гарантия признания Правительства всей демократии, что в свою очередь даст ему моральную и политическую силу, чтобы справиться с контр-революционными и анархическими силами, которые разнузданы днями 25 — 26 октября. Только такое Правительство даст надежды на прекращение гражданской войны. Если все партии согласны на разоружение обоих сторон, если обе стороны согласны на перемирие на основе признания демократической власти, т.-е. власти без цензовиков, опирающейся на всю демократию,—тогда вопрос о личном и партийном составе этой власти является второстепенным. Программа дана самим ходом событий. Не только в последний день, но и в последний час, в предпарламенте об'единились, во-первых, на требовании переговоров о немедленном мире, во-вторых, на первом основном решительном шаге в земельном вопросе передаче земель земельным комитетам. К этому прибавляется безотлагательный созыв Учредительного Собрания и, наконец, соглашение о практических средствах, при помощи которых об'единившаяся демократия могла бы избавить страну от разыгравшейся стихии и анархии так, чтобы вооруженные силы не могли приобрести роль самостоятельного фактора, который вмешивался бы в события и отклонял линию от желательных демократии путей. Надо дать массе населения уверенность в демократическом порядке. Я резюмирую, заканчивает Мартов, всем должно быть ясно, что независимо от того, кто виноват, как бы не распределялась эта вина в прошлом,—раскол в демократии обусловит страшную гражданскую войну и что российская демократия не обладает силой, которая, если кризис дойдет до конца, даст ей возможность не быть раздавленной, неизбежной личной или олигархической диктатурой. Это дело одной—двух недель. Единственный выход—смелое соглашение обоих лагерей демократии. Смелое потому, что оно должно отбросить всю вражду и отстаивать это положение, как единственную возможность довести страну до Учредительного Собрания. Итак, надо искать выхода в соглашении сторон на определенной программе формулированной выше: организовать власть, опирающуюся на все демократические организованные элементы, не только Советы Р. С. и Кр. Д., но и на учреждения вышедшие из всеобщего избирательного права. Такая власть может опираться и быть признана всеми слоями демократии. Все остальное может быть решено без спора»[1]).

Меньшевик-интернационалист Абрамович, поддерживая Мартова, выступает с заявлением о том, что гражданская война дол-

---

[1]) Выступление Мартова, несмотря на стилистические недостатки, помещено мною целиком, без всяких выпусков.

жна быть предотвращена. В поисках компромисса надо отказаться от легитимизма справа и слева; они оба одинаково недопустимы. Создалось такое положение, когда одна сторона не может признать новое, а другая—старое Правительство. Необходим мир без побежденных и победителей—создание третьего Правительства, перед которым должны капитулировать обе стороны. Эта третья сторона—демократическая власть. Необходимо создание власти, которую бы санкционировало старое Правительство и которому бы передало власть новое Правительство. Было бы величайшей нелепостью и безумием, если бы обе стороны разошлись из-за состава власти [1]). Необходимо заключить перемирие. На какой же срок? На долгий, может быть, было бы трудно, но перед нами стоит верховная примирительная камера—Учредительное Собрание. До него нужно отложить основной спор и передать полномочия третьей стороне».

Тов. Малкин (левый эс-эр), отмечая, что на ошибку слева отвечают ошибкой справа, вносит предложение, поддерживающее платформу Викжеля со следующим дополнением: вновь образуемая власть должна быть поставлена под контроль ЦИК С. Р. и Кр. Д., причем отдельным партиям должно быть предоставлено право отвода тех или иных кандидатов в Правительство. Кроме того, ЦИК должен быть преобразован, по мнению Малкина, на основе представительства 40% большевиков, 40% оборонцев и 20% интернационалистов, на каковых же основаниях должен быть построен также и кабинет.

После обмена мнений по поводу выбора Комиссии, которая уполномачивалась конкретизировать все предложенные мероприятия и представить на следующее совещание определенное предложение о составе власти и мерах прекращения гражданской войны, таковая Комиссия избирается из представителей крупнейших партий и организаций, и заседание закрывается [2]).

Это первое совещание, как мы видим, в связи с создавшейся обстановкой, выдвинуло, Викжель, как крупный политический центр. К его платформе присоединяются целые политические партии и крупнейшие организации. Викжель, отбросив мысль об об'явлении всеобщей стачки (см. выше), увлекся мыслью продолжать начатое дело «примирения враждующих сторон», упустив совершенно из виду (как, впрочем, и большинство матерых партийных работников всех направлений), что «октябрьский спор» решается не в светлом, белоснежном зале министерства путей сообщения, а на темных улицах обоих столиц в баррикадных боях силою ружей и пушек.

Так или иначе, избранная Комиссия, проработавшая всю ночь

---

[1]) В прениях поднимался отдельными членами совещания вопрос о неприемлемости целого ряда кандидатур в новом правительстве: так, напр., почти всеми отводились кандидатуры т. Ленина и тов. Троцкого.

[2]) В комиссию вошли. 1) Дан, 2) Представитель Ц. К. С. Р., фамилию сейчас трудно установить, 3) Каменев, 4) Рязанов, 5) Сокольников. 6) Представитель городск. самоуправления 7) Представ. от Викжеля.

напролет, представила свои соображения к 11 часам утра, 30 октября, на вновь собравшееся совещание. На это совещание собралось, помимо Викжеля, 22 представителя партий и организаций [1]). Из лиц, участвовавших накануне, присутствовали: Вайнштейн, Гутман, Сагарашвилли, Сокольников, Рязанов, Каменев, Дан, Рыков, Блюм, Малкин, представители от Петроградского городского самоуправления и Всероссийский союз почтовиков. Впервые явились на совещание: представитель ЦК партии эс-эров (фамилию установить трудно), Закс, Калегаев и Спиро от Петроградской конференции партии эс-эров, Карелин и Шрейдер (левые эс-эры), расписавшийся от ВЦИК Лозовский, от Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, Авилов и Вольский от ж.-д. интернационалистов-об'единенцев.

Результаты работ Комиссии свелись к следующему: 1) по вопросу об однородности конструкции новой власти разногласий в Комиссии не получилось; 2) не разрешенным в Комиссии остался спор о включении в состав нового Правительства большевиков; 3) по вопросу об об'явлении борющимися сторонами перемирия голоса в Комиссии раскололись: трое—Сокольников, Каменев и Рязанов воздержались, а остальные члены Комиссии голосовали за об'явление перемирия. Работы Комиссии, таким образом, как мы видим, свелись фактически к круглому нулю.

Центральными вопросами на данном совещании явились вопросы о перемирии и доклад представителей Викжеля, ездивших накануне с согласия совещания в Гатчино для переговоров с Керенским (об этом ниже). По вопросу о перемирии каждая из политических партий представляет ряд желательных для себя условий и оговорок. Проговорив бесплодно и безрезультатно несколько часов, совещание расходится с тем, чтобы в этот же день вновь собраться вечером. Не находя интересным приводить здесь выступления на утреннем заседании отдельных ораторов, отмечу лишь одно, что в речах ораторов всей «правой», в их постановке вопроса, в их домогательствах—красной нитью проходило желание добиться во что бы то ни стало перемирия в целях военно-стратегического восстановления Керенским своего положения, стягивания к Петрограду казачьих войск и тайной надежды на разложение среди петроградского пролетариата и гарнизона. Викжель же, охваченный назойливой мыслью примирения противников, стремился отнюдь без задней мысли также добиться перемирия, т.-е. «прекращения кровопролития». Но об'ективно он своей позицией в данном вопросе лил воду на мельницу «правых».

Вечером, 30-го октября, собралось особенно многолюдное представительство политических партий, так как должен был окончательно решиться вопрос о конструкции и составе власти.

Помимо представителей Викжеля, из присутствовавших на предыдущих заседаниях, собрались: Дан, Мартов, Семковский,

[1]) Цифра 22 неточная, так как некоторые в явочном листе не расписались.

Мартынов, Блюм, Каттель, Каменев, Лозовский, Рязанов, Закс, Калегаев, Спиро, Шрейдер, Малкин, Бару, Сагарашвилли, Милютин, Кондратьев. Впервые явились: Ерманский и Астров от меньшевиков-интернационалистов, Жилинский—Центральное Бюро с.-д. об'единения интернационалистов, Н. Ракитников—ЦК Партии социал.-революционеров, Филипповский (правый эс-эр)—Комитета спасения родины и революции, Аралов—Совета войсковых организаций при В. М., Чиркин—Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, Камков—левый эс-эр, Раппопорт—Петроградской городской думы [1]).

С первых же своих шагов совещание отклоняется в сторону от обсуждения основного вопроса и взвинчивается около внеочередных заявлений, сделанных Филипповским, Мартовым и Даном.

Сущность заявлений сводится к изданному приказу военно-революционного комитета «об аресте комитета спасения родины и революции и предания его военно-революционному суду». Волнуясь, в приподнятом тоне Филипповский заявляет, что он до отмены этого приказа не может принять участие в работах совещания. Горячо ему возражает т. Рязанов, оттеняющий то обстоятельство, что вчерашнее совещание «собралось под угрозой враждебных действий со стороны тех, с кем вы (т.-е. комитет спасения) связаны, но вы эту связь усиленно замалчиваете. Мы получили, говорит т. Рязанов, известия, что убит ряд наших товарищей, но все же мы пришли сюда, и давно могли бы сговориться, если бы некоторые из вас не срывали это соглашение». В дополнение Рязанову тов. Каменев раз'ясняет, что в приказе значится арестовать не комитет спасения, а отдельных лиц, замешанных в заговоре—Авксентьева, Гоца и других, которые отдали приказ арестовать всех комиссаров военно-революционного комитета, т.-е. и сидящих в этом зале, в том числе Рязанова и др... С вашей стороны приказ был издан первым, заканчивает тов. Каменев».

«Да, заявляет Филипповский, то, что случилось вчера—выступление военное под флагом комитета спасения,—было такой же авантюрой, как и ваша большевистская авантюра. Но эта война была об'явлена позавчера ночью, вчера ее уж не было. Наши действия, продолжает Филипповский,—должен признать, неумные,—дали, к сожалению, уже печальные результаты, но вы теперь идете к гораздо худшему. Во всяком случае мне, как члену Комитета спасения, ничего о приказе арестовывать комиссаров военно-революционного комитета неизвестно».

С обычным бесконечно-тягучим монологом выступает по данному вопросу и Мартов. Подчеркивая примиренческую позицию меньшевиков-интернационалистов, Мартов говорит, что «неизгладимым позором пало бы на нас, если бы к кому-нибудь из присутствующих была применена мера вроде распоряжения Военно-революционного комитета. Перед нами, говорит Мартов, сейчас стал

---

[1]) Не все расписались в явочном листе, и восстановить точную картину всех присутствовавших на данном совещании невозможно.

остро вопрос—помиримся ли мы с применением политического террора... Мы не помиримся с таким правом, которое включает в себя расстрелы и военно-революционные суды, т.-е. убийства без суда. Присутствующие организации должны заявить, что, признавая вооруженную политическую борьбу, они никогда не признают для себя допустимым террор и гарантируют неприкосновенность всех участвующих в переговорах. Если политический террор, заканчивает Мартов, будет применяться дальше, то мы все возьмем на себя обязанность клеймить и разоблачать перед странами Европы всех вдохновителей его».

После горячих прений по данному вопросу тов. Лозовскому и Мартову поручается совещанием тут же средактировать постановление «о недопустимом вообще применении политического террора, в том числе исключительных судов».

В окончательно принятой совещанием редакции, это постановление в виде телеграммы было разослано Викжелем по всей сети жел. дор. и всем, всем, всем... Телеграмма Викжеля гласит следующее:

> *«Выписка из протокола соединенного совещания Викжеля с представителями всех политических партий и демократических организаций. Совещание Всероссийского железнодорожного союза с представителями враждующих сторон и организаций, стоящих на почве соглашения, категорически отвергая применение политического террора в гражданской войне между отдельными частями революционной демократии, заявляет, что применение такого террора в какой-либо форме одной из сторон против другой в данный момент противоречит самой сущности и цели переговоров, начатых по инициативе Всероссийского железнодорожного союза, и требует от обоих сторон отказа от всяких террористических мер и от исключительных судов. Председатель Викжеля и соединенного совещания Малицкий, секретарь Нестеренко»* [1]).

Другим вопросом, горячо обсуждавшимся на совещании, был вопрос о перемирии, оставшийся открытым на утреннем совещании и всплывший теперь с еще большей остротой.

После долгих прений, совещанием принимается, наконец, постановление, предложенное в редакции Викжеля. Перечисляя вначале все те организации, которые принимают участие в совещаниях Викжеля, постановление говорит о том, что совещание «для прекращения вооруженных столкновений между частями войск и рабочих приняло положение для окончательного соглашения о форме и конструкции новой государственной власти (говорится о наметившемся, в конце совещания 30 октября, решении принять платформу Викжеля—П. В.) и признало необходимым

---

[1]) Телеграмма от 30-го октября за № 5122.

установить немедленное перемирие и обращение к враждующим сторонам о прекращении кровопролития и вооруженных столкновений [1]).

Но центральным вопросом совещания остался попрежнему вопрос о конструкции и составе власти.

Вновь выступает вереница ораторов, вновь правые пытаются выторговать исключение из Правительства большевиков, так как по обсуждению ими этого вопроса в центральных комитетах, последние неизменно считают невозможным включение большевиков в Правительство.

Любопытна на этом совещании позиция меньшевиков. На предыдущем заседании (см. выше) они возражали против вхождения большевиков с принципиальной точки зрения. Теперь же они мотивируют свою позицию совершенно иначе: «народные социалисты и *С. Кр. Д.* не войдут в одно Правительство с большевиками, говорит Дан, а без их участия мы не считаем возможным образовывать Правительство и в такое Правительство не войдем», и при вторичном выступлении оттеняет это еще больше следующими словами: «мы считали бы их (т.-е. большевиков) участие *желательным* (курсив мой—П. В.), но так как другие партии из-за этого не войдут в Правительство, то мы без этих правых партий, народных социалистов и крестьян, войти в него не можем». Вчера еще меньшевики с пеной у рта возражали против вхождения большевиков в Правительство, сегодня же они как будто признают их вхождение *желательным*, да только, видите ли, им *приходится* равняться по народным социалистам.

Гораздо последовательнее оказались в данном случае эс-эры. «При всем желании итти на соглашение — говорит эс-эр Ракитников, — ЦК ПСР не может итти в Правительство, которое по своему происхождению исходило бы из большевистского переворота. Он пойдет в такое Правительство, — восклицает Ракитников, — которое было бы приемлемо для всей России. Официальное участие большевиков сделало бы всякую комбинацию неприемлемой. ЦК — продолжает Ракитников,—поручил мне сделать следующее предложение: во-первых, в виду трудности притти к соглашению назначить трехдневное перемирие с прекращением военных действий как в Петрограде, так и на внутреннем фронте, а, во-вторых, Правительство должно быть однородным социалистическим, персонально избранным комиссией, которую выделит настоящее собрание. В этой форме может быть дано удовлетворение большевикам» (..?)...

В ответ на эти выступления правых, четкое и ясное заявление делает тов. Каменев: «мы исходили,—говорит он,—из фор-

---

1) Это постановление в форме телеграммы было разослано Викжелем всем, всем, всем (в том числе и Керенскому в Гатчино), 31-го октября № 5223. Из протоколов совещания, к сожалению, не видно отношение, представителей партии большевиков на совещании к обоим принятым постановлениям.

мулы Викжеля. Мы ее понимаем, как представительство партий массовых организаций в Правительстве. Заменить все это личными комбинациями в обход партий, входящих в совет, неудачно. Это слишком серьезный момент, чтобы его как-нибудь обходить... Обращаю ваше внимание, - говорит Каменев, на следующее обстоятельство; первое—для нас изменение состава Правительства возможно; второе—путь для этого открыт через полномочный орган революционной демократии; третье—изменение состава Правительства возможно при организации нового на определенной платформе, которая намечена была нашими прошлыми заседаниями. Итак,—заканчивает Каменев,—честная коалиция партий, входящих в советы, ответственных перед соответствующими органами и проводящими определенную платформу,—вот, что открывает возможность создания нового Правительства».

После выступления еще целого ряда ораторов и слащавого заявления Дана о том, что «если бы образовалось левое Правительство, то хотя мы в него не войдем, но мы его всемерно поддержим, если оно не будет проводить систему террора и подавления инакомыслящих»,—избирается Комиссия, которой поручается окончательно сконструировать новую власть [1]). Базисом для работ Комиссии совещанием намечается следующее: должен быть создан орган из социалистических течений; ядром этого органа должен служить ЦИК СР и СД, как нового, так и старого созывов, представительство от крупных профорганизаций и Петроградской городской думы. Этот орган формирует Правительство, или Совет Народных Комиссаров, ответственный перед ним. В состав Правительства входят представители всех социалистических партий от народных социалистов до большевиков включительно. Инициатива созыва указанной Комиссии и следующего совещания поручается «нейтральному» Викжелю.

Однако, помимо и независимо от происходивших совещаний, события с каждым часом развертывались все шире, все грандиознее. В Петрограде власть перешла целиком к Совету, войска Керенского под Красным Селом и Гатчино были разбиты и Керенский бежал, в Москве шла ожесточенная баррикадная борьба, по всей России шли захваты Советами власти в свои руки... Борьба вступила уже в такую стадию, когда непосредственно после захвата передовых позиций приходится их укреплять, обеспечив их от контр-атаки противника. И вполне понятно, а *теперь-то* уж каждому ясно, что борьба неминуемо должна была несколько измениться, расширить свои формы, переходя из непосредственных уличных боев в борьбу против *всего,* что угрожало захваченным передовым позициям от контр-атаки противника. А таким «всем» являлись и буржуазная печать, изрыгавшая ядовитую ненависть на пролетарскую власть, и Городская Дума, выпускавшая контр-

---

1) К сожалению, не сохранилось никаких указаний, кто вошел в образованную комиссию.

революционные воззвания [1]), и комитет спасения родины и революции, оттачивавший «двенадцать ножей» для спины революции, и все, что шло не с нами, а за ними. Было бы нелепо останавливать борьбу на полдороге, щадить контр-революцию, и пролетариат во главе с партией большевиков такой нелепой сентиментальности в духе «Мартовской слезы» не допустил. Он мускулистой рукой начал проводить свою еще молодую диктатуру, что понравиться его врагам, конечно, не могло. Поэтому естественно также, что по мере того, как гири на весах октябрьского боя склонялись все более на сторону большевиков, «правые» становились все уступчивее [2]), а партия рабочего класса—большевики—все менее уступчивы. Викжель, оценивавший события с точки зрения злой или доброй воли той или иной партии, естественно, впадал в уныние, предчувствуя провал всей своей «нейтральной» политики с «соглашением».

Вот в каких мрачных, унылых тонах оценивает Викжель создавшуюся обстановку:

> *«Правительство не оформлено. Соглашение, намечавшееся вначале, расстроилось в виду того, что под Гатчино войска Керенского разбиты и он бежал. Большевики, которые всегда держались принципа «война до полной победы»* (здесь разумеется классовая война—П. В.) *и шедшие на уступки лишь под влиянием своих поражений, после такой своей победы от соглашения отказались, и ЦИК советов вынес резолюцию в явно большевистском духе, после чего представители большевиков в заседании Комиссии, вырабатывавшей технику вопросов, вытекавших из соглашения, не явились совершенно. Это было вчера, будет ли сегодня ка-*

---

[1]) Привожу, кстати, резолюцию петроградской городской думы от 31 октября 1917 года, вынесенную по докладу гласного думы Раппопорта: „1) В целях прекращения братоубийственной распри принять участие через своих представителей в совещании И. К. Всеросс. жел. дор., потребовав предварительно немедленного освобождения всех арестованных по политическим соображениям в связи с захватом власти большевиками. 2) Предоставить законной власти (?) возможность осуществлять свои полномочия, имея в виду необходимость реконструкции на основах преемственности власти (?). 3) Признать, что впредь до созыва Учредительного Собрания реконструированная законная власть в стране должна опираться на Собор представителей городских и земских самоуправлений (?), избранных на основании всеобщего, равного, тайного и прямого избирательского права, с участием (?) представителей Исполнительных комитетов С. Р. и Кр. Д. 4) Снять арест со свободы слова (?) завоеванной кровью революци“.

[2]) Так, напр., ЦК меньшевиков вынес 1 ноября следующую резолюцию по поводу соглашения с большевиками: „Обсудив создавшееся положение и признав, что все другие соображения должны отступить на задний план перед необходимостью во что бы то ни стало не допустить продолжения кровопролития, междоусобия в рабочей среде и разгрома рабочего движения—Ц. Р. С. Д. Р. П. (об‘единен.) постановляет, принять участие в попытке организовать однородную власть, включающую в себя социалистические партии от эн-эс до большевиков“.

кое-либо заседание по этому вопросу—неизвестно». И дальше *«не забудьте, то мы здесь среди одной из враждующих сторон и против нас возможны всякие меры воздействия вплоть до ареста, тюрьмы, расстрела, самосуда—тогда поймете наше настроение»* [1]).

Каким разочарованием, унынием, расслабленностью веет от этой оценки событий Викжелем.

Так или иначе, а 3-го ноября вновь собирается созванное Викжелем многолюдное совещание. Присутствуют (согласно имеющихся записей в явочном листе) помимо Викжеля из бывших ранее на севещаниях: Бару, Абрамович, Мартов, Мартынов, Ерманский, Гутман, Каттель, Карелин, Жилинский, Шрейдер, Спиро, Лозовский, Рязанов, Каменев, Сокольников. Впервые явились на совещание: т.т. Сталин, Зиновьев, Розенталь—ЦК Бунда, Прошьян—левый эс-эр, Строев—ЦБ с.-д. обединенцев-интернационалистов, Никольский и Нехамкин—общеармейского комитета.

Заседание открывается кратким докладом о работах Комиссии. Результаты работ Комиссии свелись к следующему: проектируемый орган верховной власти в республике должен называться «Временным Народным Советом»; в него должны войти: ЦИК С. Р, С и Кр. Д., представители Московской и Петроградской Дум, Викжеля [2]), Всероссийского Центрального Совета Профсоюзов и Всероссийского союза почтовиков, всего 425 человек; должен, кстати, отметить, что по вопросу о включении во «Временный Народный Совет» представителей тех или иных организаций в кулуарах совещания шла самая беззастенчивая торговля. Не было, кажется, ни одной организации, из присутствовавших на совещании, которая бы ни считала, что она-то уж во всяком случае должна и имеет неоспоримое право войти в указанный «Совет». Как любопытный документ, свидетельствующий о подобного рода домогательствах, привожу следующий протест, адресованный в совещание советом депутатов трудовой интеллигенции: «Исполнительный Комитет Совета Депутатов трудовой интеллигенции, принимавший участие через своих делегатов во всех государственных совещаниях (25 делегатов на Московском и 4 делегата на демократическом совещании), присоединившийся к декларации демократического блока и отражающий волю и интересы трудовой интеллигенции, существующий в 52 городах, считает совершенно недопустимым, чтобы трудовая интеллигенция-демократии, организованная в количестве свыше 500.000 человек в союзы, об'единяемые Советом Депутатов Трудовой Интеллигенции, была лишена пред-

---

[1]) Переговор по прямому проводу председателя Викжеля с членом Московского бюро 2 ноября.

[2]) Несмотря на то, что члены Комиссии Крушинский и Плансон наметили себя от Викжеля в этот «Совет», — председатель Викжеля Малицкий делает от имени Викжеля официал. заявление о том, что Викжель постановил в этот «Времен. народн. совет» не входить. К сожалению, у меня нет под руками материала, освещающего мотивы отказы Викжеля от вхождения в этот «совет».

ставительства в организуемом «Временном Народном Совете» и настаивает на предоставлении ему мест наравне с прочими Всероссийскими организациями».

Однако, вернемся к прямой теме нашего повествования.

С первых же выступлений членов совещания доклад Комиссии отодвигается в сторону и прения с особенной страстностью разгораются вокруг «террора» и «необходимости заключить перемирие». Особенно яростно выступают Абрамович и Мартов, играющие на струнках Викжеля («железнодорожные комитеты арестовываются, Петроградский совет требует свержения Викжеля и т. д.»—Мартов). Викжель также пытается добиться положительного ответа на затронутые вопросы, но тщетно. Даже левые эс-эры устами Карелина стараются отодвинуть вопрос о перемирии и терроре, предлагая поставить его после разрешения конкретного предложения о соглашении. Представители же ЦК большевиков в лице тов. Сталина определенно заявили, что «никто не может поручиться за то, что войска, стоящие под Гатчино, не будут наступать на Петроград».

Так это совещание, по своим крупным размерам последнее, ни к какому соглашению не пришло и разошлось.

Обманутый в своих надеждах и чаяниях, убедившись в бесплодности проведения в жизнь своей политической платформы, Викжель вскоре после этого, 6 ноября решается вернуться обратно в Москву: «Миссия Викжеля в Петрограде окончена, пишет один из членов ревизионной комиссии Викжеля в своих записях об октябрьских днях, — необходимо ехать в Москву и приниматься за неотложные работы по улучшению транспорта, по разгрузке закупоренных вагонами узловых станций; необходимо готовиться к демобилизации». Так-то оно лучше, да и полезнее будет, думалось наверное многим из Смольного.

Однако, уехав в Москву, Викжель, на подобие утопленника, хватающегося за соломинку, оставил в Петрограде Бюро, которому поручил дальнейшее ведение переговоров о соглашении. Как известно, переговоры ни к чему не привели.

Последним актом Викжеля, связанным с его примиренческой деятельностью перед от'ездом в Москву, была рассылка всем, всем, всем телеграммы следующего содержания:

«Совещание представителей социалистических партий, созванное по инициативе Викжеля, вырабатывало соглашение между всеми социалистическими партиями в целях мирной ликвидации политического кризиса путем образования общедомократической власти. Совещание это вынуждено было прекратить свои работы после того, как Центральный Исполнительный Комитет СРСД незначительным большинством принял такие решения, которые делают фактически невозможным какое-либо соглашение, и отказался прекратить политику насильственного подавления несогласных частей населения политическим террором. Совещание поста-

новило: [1] *1) требовать немедленного прекращения гражданской войны, 2) протестовать против политического террора и стеснения политических и гражданских свобод, 3) настаивать на образовании однородного социалистического Правительства из представителей всех партий от народных социалистов до большевиков включительно. Правительство должно быть ответственно перед органом, представляющим все части демократии. Ближайшей задачей такого Правительства должно быть скорейшее установление мира между всеми воюющими народами, немедленная передача земель земельным комитетам и скорейший созыв Учредительного Собрания. Председатель совещания Малицкий»* [2]*).*

Так окончились «политически дни» Викжеля в Петрограде. Остановился я, может быть, несколько подробнее чем следовало бы это для темы брошюры, на совещаниях только потому, что они представляют из себя большой исторический интерес. Детальное же их освещение со всеми выводами может служить предметом другого труда.

2.

Чрезвычайно кратким и таким же бесплодным политическим жестом Викжеля являлось и его посредничество между Петроградом и Керенским.

Нельзя сказать, чтобы Викжель в это время особенно интересовался личностью Керенского, так как понимал, что последний является уже политическим трупом. Вот как Керенский характеризуется официальным докладчиком Викжеля на Всероссийской конференции железнодорожников 13—15 ноября 1917 г. Доказывая правильность занятой Викжелем позиции в Октябрьские дни, докладчик говорит: ...«но с другой стороны мы не могли встать и на сторону Керенского, так как его фактически никто не признавал и не поддерживал. Мы видели настроение и тот факт, что власти Керенского уже не было... В Петрограде на стороне большевиков были все войска, рабочие и весь флот».

Поэтому, вступая на путь посредничества между Петроградом и Керенским, Викжель преследовал исключительно задачу «смягчить кровопролитие», которое, по мнению Викжеля, могло принять грандиозные формы при упорстве Керенского и использовании остатков своего влияния на казачьи войска под Гатчино и Красным Селом.

Получив согласие от совещания на выезд в Гатчино для переговоров с Керенским, три члена Викжеля, вечером, 29 октября, выехали на автомобиле из Петрограда [3]).

---

[1]) Постановление это было вынесено не совещанием, а большею, всей правой частью совещания.

[2]) Телеграмма эта была отправлена 5 ноября за № 5214.

[3]) Это были три члена Викжеля: Плансон, Крушинский и Сенюшкин.

Явившись к Керенскому, делегаты пред'явили ему ультимативное требование о согласии на образование такой власти, конструкция каковой была изложена в платформе Викжеля (см. выше). Керенскому было делегатами заявлено, что за большевиками идет грозная сила,—«сила, с которой приходится считаться».

Ошеломляюще подействовал на Керенского тот факт, что железнодорожники, на которых именно он рассчитывал, идут не с ним и его отнюдь поддерживать не будут. По словам делегатов, Керенский, как бешенный, бегал по комнате, рвал на себе волосы, то в исступлении кричал, то замолкал, становился в позу, и полушепотом произносил какие-то бессвязные фразы.

Керенский хотел увильнуть от какого бы то ни было ответа, но делегаты настойчиво требовали от него немедленного ответа на ультиматум. В конце концов Керенский все же заявил, что прежде, чем дать ответ об установлении перемирия, он просит устроить ему свидание с его арестованными и не арестованными министрами; к тому же, по его заявлению, он должен посоветываться с армейскими и другими организациями. Что же касается конструкции новой власти, то он опять-таки не в окончательной форме, а предположительно предложил создать какой-то об'единяющий партии нейтральный орган, который и занял бы место Временного Правительства до окончания спора между враждующими сторонами.

С таким неопределенным ответом делегаты и вернулись обратно в Петроград, и Керенского Викжель уже больше не видал.

Однако, через несколько дней, убедившись в своем поражении и желая «словчить» от верной личной гибели, Керенский прислал телеграмму комитету спасения и Викжелю следующего содержания:

> *«Согласно предложения комитета спасения и всех демократических организаций, об'единившихся вокруг него, мною приостановлены действия против повстанческих войск и послан представитель, комиссар при верховном главнокомандующем Станкевич, для вступления в переговоры. Примите меры к прекращению возможности напрасного кровопролития. Керенский»* [1]).

Одновременно получается следующая телеграмма в указанные выше адреса:

> *«В ответ на вашу телеграмму об установлении немедленного перемирия, верховный главнокомандующий, не желая пролития братской крови, согласился на переговоры для установления естественных отношений между войсками Пра-*

---

[1]) Телеграмма от 1-го ноября № 486. Как эта, так и вышеприведенная телеграмма Керенского были немедленно разосланы Викжелем по всей России с призывом скорейшего установления мира (телеграмма от 1 ноября № II/1171).

вительства и мятежниками, почему штубу отряда мятежников отозвать свои войска в Петроград; установить линию Лигово—Пулково—Колпино нейтральной и допустить беспрепятственно для обеспечения в Царском Селе порядка конные авангарды правительственных войск. Ответ на это предложение передать с посланными парламентерами не позже восьми часов утра завтра. Подписали генерал Краснов, капитан Козьмин и есаул Ожогин».

В этот день поступает от Керенского в Викжель еще одна чрезвычайно характерная телеграмма:

«Террор порицаю. К нему не прибегал и прибегать не считаю возможным. Керенский» [1]*).*

Комментарии к такому заявлению Керенского, я полагаю, излишни.

Наконец, первого же ноября, поступает из Гатчино по адресу только Викжеля последняя телеграмма Керенского, отправленная, очевидно, в момент окончательного его разгрома:

«Ваше предложение принято. Вчера выслан мой представитель комиссар Станкевич. Жду ответа. Керенский».

Ответа Керенский на эту телеграмму не дождался, так как даже для Викжеля стало очевидным, что Керенский должен быть вычеркнут из списка живых для русской революции.

Приведенными документами и ограничились сношения Викжеля с Керенским. Викжель и здесь мог убедиться в том, что октябрьский спор решался не в зависимости от суб'ективной доброй воли его, Викжеля, или Керенского или кого-либо другого, и не по указке его чистенькой программы, а исключительно реальным соотношением сил того момента.

3.

Целой эпопеей в общей цепи деятельности Викжеля в Октябрьские дни по проведению в жизнь его позиции является связь и работа его в Ставке верховного главнокомандующего в Могилеве.

Уже с первого дня своего приезда в Петроград (26-го октября) Викжель начал получать не вполне конкретные, но довольно грозные сведения о положении в Ставке. Сообщалось и об образовании в Ставке контр-революционного ядра готового на все, вплоть до реставрации, и о движении войск на Петроград и еще многое другое. В Викжель являлись различные представители армейских организаций, информировали и сами информировались. Нарастала постепенная необходимость во что бы то ни стало связаться со ставкой, узнать, что там делается и т. п. Окончательное настроение Ставки определилось для Викжеля лишь 29-го октября из переговоров по прямому проводу председателя общеармейского

---

1) Очевидно, в ответ на телеграмму Викжеля от 30 октября № 5122 (см. выше).

комитета при Ставке—Перекрестова с членом совета войсковых организаций при военном министерстве в Петрограде—Розенблатом. Вот что ответил Перекрестов на информацию, сделанную Резенблатом: [1]) «платформа, о которой вы сообщаете, расходится с нашей. Воля действующей армии в лице ее полномочных органов сообщена нам нашими избирателями, и ежедневно получаем подтверждение этой воли, сводящейся к всемерной поддержке Всероссийского комитета спасения родины и революции [2])... мы хотим, чтобы комитет спасения располагал действительной силой и шлем ему войска... наши войска встречаются на пути огнем со стороны поддерживающих восстание. В одной Виннице легло 1.500 убитыми и ранеными с обоих сторон, и наши войска заставили смириться восставших и продолжают путь»...

Это сообщение заставило встрепенуться Викжель, так как он в настроении Ставки усмотрел прямой подрыв своей платформы. Но Викжель все еще медлил. Окончательно у него созрело отношение к Ставке 30 октября, когда он получил от общеармейского комитета следующую телеграмму, свидетельствующую о дальнейших шагах последнего в направлении движения войск на Петроград с просьбой оказать комитету доверие:

> *«...мы просим вашего доверия. Не препятствуйте движению войскам, идущим по нашему указанию. С радостью мы примем в наш руководящий орган Вашего представителя для совместной деятельности по спасению родины, борьбы с анархией и контр-революцией. Пусть встанет он в центре, пусть сам руководит отсюда дорогами, перевозками — это будет порукой чистоты нашей политической линии. По уполномочию товарищей — Перекрестов, Нахамкин, Никольский».*

Одновременно Викжелем были получены сведения о том, что Управлением ж. д. при Ставке созывается экстренный С'езд представителей железных дорог в целях образования в противовес Викжелю нового железнодорожного центра, как оплота комитета спасения родины и революции. И вот, Викжель решил, в целях проведения своей платформы и в Ставке, выслать экстренно в Могилев своих представителей. Постановление Викжеля о посылке своих представителей в Ставку было одобрено происходившим в то время совещанием представителей политических партий и организаций, и делегаты Викжеля, получив пропуск из Петрограда от присут-

---

[1]) Информация сводилась к сообщению о платформе Викжеля на происходившем совещании партий и организаций и о положении в Петрограде.

[2]) Впоследствии по приезде членов Викжеля в ставку ими было немедленно же установлено, что информация в этой части является ложной, совершенно несоответствующей действительному настроению солдатских масс, что, как известно, подтверждается всем ходом дальнейших событий.

ствовавшего на совещании тов. Каменева, экстренным поездом выехали в Могилев [1]).

Выехавшие в Ставку члены Викжеля получили следующие задания: 1) провести платформу Викжеля как среди железнодорожников Могилевского узла и Управлении жел. дор. при Ставке, так и в общеармейском комитете и среди солдатских масс, 2) установить контроль над движением эшелонов, производящимся по распоряжению Ставки, 3) выяснить—кто руководил движением войск, шедших на подмогу Керенского из Пскова, 4) категорически препятствовать образованию какого бы то ни было Правительства в Могилеве [2]).

По приезде в Могилев, где членам Викжеля Ставкою был оказан исключительно любезный прием, делегаты приняли немедленно меры к приостановлению движения Ставкой эшелонов в распоряжение Керенского. Так, например, 31-го октября общеармейский комитет обратился к представителям Викжеля с просьбой оказать содействие по продвижению ими войск в распоряжение Керенского дабы «уравновесить борющиеся силы и заставить большевиков скорее пойти на соглашение... в целях создания фактического наличия сил, на которую можно опереться, в случае отказа большевиков от соглашения... при чем продвинутые войска, по заверению общеармейского комитета не будут использованы в целях контр-революции для чего... Викжелю предлагается послать в части войск своих комиссаров. На эту просьбу делегаты Викжеля ответили отказом, заявив, что

> *«Такое предложение неприемлемо, так как фактически это неосуществимо: во-первых, встретит противодействие по пути большевистских гарнизонов, к чему пример Винница; во-вторых—нет гарантий в том, что вместе с правительственными войсками не пройдут и части на подкрепление Петроградского гарнизона; в-третьих — усилением Керенского будет усилена его позиция непримиримости; в-четвертых—возможен переход двинутых войск, хотя бы частично, на сторону большевиков, чем усилится непримиримость и другой стороны»* [3]).

Мы видим, таким образом, что и в Ставке Викжель с первых же шагов встал на путь строгого «нейтралитета» своей платформы.

Одновременно, взяв под свой контроль телеграфную станцию Управлений жел. дор. при Ставке с назначением туда своих

---

[1]) Делегированными оказались члены Викжеля: Антоневич, Сенюшкин, и Лапъер.

[2]) До сведения Викжеля дошли слухи о том, что в Могилеве происходит слет „правых“, желающих образовать при ставке Правительство. Тогда же на заседании Викжеля было вынесено постановление о „недопустимости образования Правительства вне Петрограда“.

[3]) Разговор по прямому проводу из Ставки 31-го октябра.

комиссаров (у Ставки, кстати, оказались все же пути всевозможных сношений по телеграфу), делегаты Викжеля установили также контроль над продвижением по дорогам воинских эшелонов, сообщая о каждом продвижении Викжелю в Москву и Петроград [1]).

В тот же день, 31-го октября, было созвано экстренное заседание общеармейского комитета для выслушания доклада представителей Викжеля и определения своего отношения к конструкции власти. На это заседание явились и «черные вороны», улетевшие из Петрограда: Чернов, Верховский, Гоц, Знаменский, Герштейн и др.

После докладов членов Викжеля, с программной речью выступил Чернов с призывом всех громов и молний на голову большевиков. Как это всегда случалось с Черновым, он не встал прямо и на сторону комитета спасения, увиливая от прямой определенной позиции.

Горячие прения закончились победой точки зрения Викжеля. Общеармейским комитетом была принята следующая резолюция: «во имя немедленной ликвидации кризиса, успешной борьбы с анархией и наростающей справа опасности, а также сохранения спокойствия и единства на фронте—общеармейский комитет поддерживает образование однородного Правительства от народных социалистов до большевиков включительно на платформе: 1) созыв в назначенный срок Учредительного Собрания; 2) скорейшее заключение мира; 3) передача земельного фонда (?) земельным комитетам».

2-го ноября один из представителей Викжеля совместно с двумя членами общеармейского комитета Нахамкиным и Никольским выехали в Петроград для информации и участия на политических совещаниях.

Подобные резолюции начали выноситься и среди железнодорожников Могилевского узла, и на С'езде железнодорожных представителей, с'ехавшихся в Ставку, и в Управлении жел. дор. при Ставке.

Но весьма характерно, что за спиной происходившего совещания расширенного общеармейского комитета при Ставке, на котором участвовал, между прочим и Гоц и несмотря на контроль, установленный членами Викжеля на телеграфной станции Управления Путей Сообщения при Ставке, начальником управления Лебедевым того же 31-го октября была дана следующая телеграмма по всей сети жел. дор., исключая Викжель.

«От Верховного Главнокомандующего Керенского за подписью его, Авксентьева, Гоца, Войтинского, Станкевича и Семенова получена телеграмма следующего содержания: «Временный совет Российской республики—Всероссийский

---

[1]) Так, например. 2-го ноября делегатом Викжеля Лапьером было сообщено по прямому проводу в Московское бюро Викжеля о том, что на Киев двигается финляндский корпус из Сарн с броневым поездом и 22-ой корпус из Киверц с тяжелой артиллерией для усмирения рады.

Комитет спасения родины и революции, ЦИК Крестьянских, Солдатских и рабочих депутатов приказывают действующей армии немедленно прислать войска хотя бы только по одному пехотному полку от ближайших армий и возможно срочно самыми действительными средствами, не останавливаясь ни перед чем; курьерскими поездами доставить эшелоны в Лугу и Гатчино. Вся тяжесть ответственности за промедление падает на промедляющих. Номер 174». Сообщая Вам эту телеграмму, прошу принять все меры к срочному продвижению эшелонов, уже находящихся в пути, равно и подлежащих отправлению, дав им преимущество перед всеми поездами и устранив по возможности все задержки на станциях. Номер 10047. Н. У. Лебедев».

Как известно, из указанного распоряжения «Временного совета Российской республики» ничего, кроме конфуза, не получилось. Железнодорожники же, как показывает нам, например, телеграмма организации Юго-Западных жел. дор. от 1-го ноября, ответили на приведенное распоряжение Лебедева горячим протестом и заявлением, что продвижение войск на Лугу и Гатчино встретит с их стороны самое энергичное противодействие [1]). Если сопоставить эту телеграмму со всеми заявлениями «правых» о перемирии, желании прекратить кровопролитие и пр. (см. выше), то полная картина их предательства станет очевидной.

Ожидая с нетерпением результатов политических совещаний в Петрограде, общеармейский комитет совместно с делегатами Викжеля дает 1-го ноября по адресу Викжеля и «малой комиссии по образованию Временного Правительства» депешу о необходимости «немедленно, не дожидаясь полного сформирования кабинета, остановиться назначением министра председателя и широко оповестить об этом всю страну...».

Для чего это было нужно—остается секретом общеармейского комитета, но можно догадываться, что этим оповещением предполагалось разрядить насыщенную атмосферу неопределенности и ожидания.

А «черные вороны» в Ставке не дремали... Провалившись на заседании общеармейского комитета, они начали спешно и конспиративно мобилизоваться. В Могилев приехали на подмогу виднейшие кадеты, как например, Винавер, Милюков и др. Состоялся ряд конспиративных собраний, на которых была намечена следующая телеграмма: 1) Созвать крестьянский с'езд в Могилеве, 2) организовать в Могилеве Временное Правительство, 3) выставить в премьер-министры кандидатуру Чернова.

Узнав об этом решении конспираторов, представители Викжеля категорически его опротестовали, заявив, что Викжель всеми

---

[1]) Телеграмма от 1-го ноября № 11926.

имеющимися в его распоряжении средствами не допустит образования Правительства вне Петрограда. Этот протест был одобрен Викжелем, который дал своим представителям при Ставке дополнительные раз'яснения...

«На вас возлагается чрезвычайно ответственная задача в Ставке. Помните, что позиция Викжеля непреклонна и что все силы мы отдадим власти, образуемой на нашей платформе. Всякое преторианское выступление поведет к дальнейшим осложнениям, и вы должны протестовать против этого. Помните, что мы решительно отмежевываемся от Авксентьева и Гоца, а также от комитета спасения родины и революции. С ними мы никогда не пойдем на подавление рабочего движения. Только общедемократическое движение против Ленина и Троцкого, а не против петроградских пролетариев... это ваша позиция в Ставке» [1]*)*.

Настроение солдатских масс и победа рабочего класса в обоих столицах привели к концу могилевскую авантюру эс-эровско-кадетского блока, и могилевское гнездо, как известно, было раззорено.

Отмечу здесь, кстати, что расследованием вопроса о продвижении войск из Пскова на помощь Керенскому делегатами Викжеля было установлено, что это продвижение произошло по директивам и указаниям Чернова.

В виду возврата Викжеля обратно в Москву 6 ноября и провала его платформы—представители его при Ставке (вернее, последний представитель, так как двое уехало раньше) были им 8—9 ноября отозваны также в Москву, чем закончилась и эта страничка из «Октябрьской деятельности Викжеля»...

4.

Остановимся здесь еще кратко на том,—как Викжель проводил свою платформу в жизнь на транспорте.

Сознавая, что для проведения в жизнь своего «нейтралитета» необходимо овладеть всем железнодорожным аппаратом сверху до низу, Викжель обратил прежде всего внимание на министерство путей сообщения.

Положение в министерстве путей сообщения в то время было критическое; министр Ливеровский бежал, его товарищ—Тахтамышев был арестован, все служащие министерства находились в состоянии сильнейшего волнения и брожения, работа спецов велась бесконтрольно. Министерство, давая перебои, перестало быть централизующим и руководящим органом сети железных дорог.

На первом же заседании Викжеля по приезде его в Петроград представитель Военно-революционного комитета тов. Бубнов пред-

---

[1]) Это раз'яснение сделано Викжелем по прямому проводу в Ставку 5-го ноября.

ложил Викжелю образовать немедленно коллегию по управлению министерством путей сообщения, под председательством его, Бубнова.

Обсудив это предложение, Викжель пришел к заключению, что председательствование в коллегии, выделенной Викжелем, большевика, члена Военно-революционного комитета Бубнова, равносильно поддержке Викжелем большевиков, перехода активно на их сторону, признанию власти Военно-революционного комитета. Поэтому Викжель это предложение отклонил и решил к овладению аппаратом железных дорог не допускать ни одну из враждующих партий: управление же министерством путей сообщения решил взять в свои руки.

Для этой цели была из среды Викжеля выделена пятерка, коей и поручено было заняться техническим управлением министерства путей сообщения. Но *фактически управлять Викжелю не удалось.* 27-го октября избранной «пятеркой» было в министерстве путей сообщения созвано совещание из заведующих всеми отделами министерства, на котором члены Викжеля изложили позицию последнего и призвали всех присутствующих к дружной совместной работе. Членами этого совещания был поставлен вопрос— приемлема ли для них позиция Викжеля и согласны ли они совместно с ним работать? На это последовало обещание дать определенный ответ на следующий день. 28-го октября выяснилось, что служащие министерства путей сообщения, стоящие целиком на платформе комитета спасения родины и революции, согласны поддерживать и работать с Викжелем лишь в том случае, если последний также присоединиться к комитету спасения. Так как Викжель от этого категорически отказлся, то 29-го октября служащими министерства путей сообщения был избран стачечный комитет во главе с юрисконсультом управления жел. дор. Возницыным и об'явлена забастовка, которая и продолжалась до конца января 1918 г. (см. ниже). Не примкнувшими к этой забастовке оказались лишь Центральный телеграф и телефонная станция министерства путей сообщения, которые полностью поддерживали платформу Викжеля. Пятерка, таким образом, без аппарата живой силы оказалась не в состоянии управлять министерством путей сообщения, хотя формально она продержалась до назначения первого Народного Комиссара Путей Сообщения тов. Елизарова. Подчеркну здесь, кстати, что министерство путей сообщения оказалось в Октябрьские дни единственным министерством без официально назначенного ВЦИКОМ Народного Комиссара. Правда, в качестве неофициального комиссара ежедневно, и по нескольку раз в день, в министерство путей сообщения приезжал тов. Рязанов, но роль его фактически сводилась не к «управлению», чего он также тогда осуществить не мог без служащих и при оппозиции Викжеля, а к посредничеству между Викжелем и Смольным. Но телефонная и телеграфная станции в этот период находились це-

ликом в руках Викжеля, который 31-го октября вынес следующее постановление: «посещение телеграфа министерства путей сообщения в настоящий тревожный политический момент посторонним лицам не допускается. Разговор по аппарату посторонними лицами производится только ведома членов бюро Викжеля».

Так как в это время телеграфное сообщение действовало почти исключительно железнодорожное (городские телеграфы работали из рук вон плохо), то в руках Викжеля, овладевшего аппаратом связи, оказалось очень сильное средство для проведения своей платформы. Не говоря уж о том, что Викжель в дни Октябрьской революции лучше всех других организаций был информирован о положении дел по всей России [1],—он использовал этот аппарат связи для проведения своей позиции и на местах. Такой связи с местами, какую Викжель имел именно в эти дни, железнодорожный союз не имел за все пять лет революции. В этом мы должны отдать Викжелю полную справедливость. Кроме того, он, в действительности, чрезвычайно затруднял борьбу сторон, не допуская не «нейтральной» связи и разговоров по аппарату. Выдержал ли он в этой части свой нейтралитет—это другой вопрос и об этом мы скажем ниже. Должен здесь, кстати, в скобках отметить, что, несмотря на строжайший контроль Викжеля над телеграфными проводами и телеграммами, многое все же ускользало от его внимания, что нередко сводило к нулю весь его контроль. В виде примера привожу следующую телеграмму, данную в обход контроля Викжеля по железнодорожным проводам по адресу всем, всем, всем и принятую на центральной станции министерства путей сообщения:

«...за последние три дня комитет спасения родины и революции установил непосредственные сношения с министром председателем Керенским. Министр председатель все время подробно осведомлялся о деятельности комитета и наоборот — комитет в курсе всех шагов и предположений министра председателя. Это дало возможность теснейшим образом об'единить и координировать действия и выступления комитета в Петрограде и отряда войск, действующих по направлению в Петроград. Вчера у министра председателя была делегация комитета спасения. Личные переговоры дали возможность установить полное совпадение взглядов и намерений по вопросу о государственной власти и об'единении всех сил революционной демократии. Все освобожденные министры находятся в Петрограде, принимают непосред-

---

[1] В дни Октябрьской революции Викжель был осаждаем с раннего утра до поздней ночи репортерами всевозможных газет, которые в Викжеле видели в эти дни лучший источник информационных сведений. Если просмотреть газеты за период времени конца октября и начала ноября 1917 г., то можно убедиться в том, что громадное количество сообщений, публиковавшихся в газетах, получалось через посредство Викжеля.

ственное участие в делах комитета спасения. Комиссар Станкевич» [1]).

Вместе с тем, особенно в дни разгара уличных боев в Москве (примерно до 5-го ноября) и борьбы под Петроградом, чрезвычайно важной являлась связь Петрограда с Москвой. Эта связь осуществлялась не только по телеграфу, но и по телефону через Центральную позицию министерства путей сообщения. Имея в своих руках и этот аппарат связи, Викжель имел возможность препятствовать бесконтрольному разговору по аппарату как большевикам, так и «правым». Но и в этой части, как мы увидим ниже, нейтралитет Викжеля не оказался выдержанным.

После своей неудачи с управлением министерства путей сообщения через посредство «пятерки» и сознавая, с одной стороны, что министерство долго без министра или народного комиссара оставаться не может, а с другой стороны, что партия большевиков заинтересована в назначении народным комиссаром этой исключительно важной отрасли хозяйства именно члена своей партии или в лучшем случае «большевистского» левого эс-эра, Викжель решил добиться, назначения на пост министра путей сообщения одного из своих членов. Намечена была кандидатура Крушинского (считавшегося левым эс-эром), который, кстати, сам чрезвычайно хотел стать министром. И вот начались поездки и хождения в Смольный. Велись переговоры и с большевиками и с левыми эс-эрами. Особенно доставалось от этих хождений покойному Я. М. Свердлову. Викжель буквально наседал на него с целью добиться положительного ответа. Чувствуя, что прямым резким отказом Викжель сердить особенно не следует, тов. Свердлов пускался на всякие дипломатические выверты, оттяжки и пр. Нужно было только видеть тов. Свердлова в роли терпеливого об'екта викжелевских наскоков, чтоб понять насколько осторожно считала партия большевиков необходимым относиться к Викжелю. Членам рабочей группы Свердлов сразу же частным образом раз'яснил, что доверия к Викжелю нет и быть не может, что Викжель организация «верхушечная» и что партия большевиков не допустит никогда, назначения на министерский пост члена Викжеля. Однако, рабочая группа Викжеля была уверена в это время в своей силе (дело идет о середине ноября), в полной растерянности правой части и ее бессилии, что-либо сделать, если даже министром путей сообщения будет назначен кто-либо из рабочей группы (выдвигалась тогда кандидатура большевика из рабочей группы—тов. Кравца). Поэтому рабочая группа и настаивала на назначении из ее среды кандидатуры на министерский пост. Все домогания Викжеля в этом направлении, однако, успеха не имели, и, как известно, первым народным комиссаром путей сообщения был назначен тов. Елизаров. Так неудачно окончилась и эта «затея» Викжеля.

---

[1]) Телеграмма эта из Царского Села 30-го октября.

Взяв на себя задачу проведения своей тактики «нейтралитета» по всей сети железных дорог, Викжель разработал план его осуществления на местах, сосредоточив главное внимание на противодействии перевозке эшелонов враждующих сторон. Этот разработанный план был разослан следующей телеграммой по всей сети жел. дор., Военно-революционным комитетам и комитетам спасения родины и революции:

«В целях сохранения железных дорог и транспорта, необходимых для спасения родины и революции, и для пресечения кровавой братоубийственной борьбы, Викжель об'явил нейтралитет Всероссийского железнодорожного союза. Необходимо активное проведение путем пресечения передвижения войск обоих враждующих сторон. Для выполнения этого всем железнодорожникам предлагается под руководством органов союза принимать следующие меры: 1) недопускать без разрешения Викжеля или Московского бюро Викжеля никакой посадки воинских частей и всяких иных вооруженных организаций, кроме отпускных, а также эшелонов, назначенных на фронт. Чтобы внезапно явившиеся части не занимали на станциях вагоны самочинно и угрожая железнодорожникам, предлагается со станций, расположенных вблизи городов и населенных пунктов, убирать на промежуточные станции все приспособленные людские вагоны и теплушки, а при возможности также и обыкновенные порожние крытые вагоны; 2) при появлении на станциях войск или организаций для посадки и при попытке занять вагоны самовольно и насильно принимать все меры к наибольшему промедлению в подаче вагонов, подготовке состава поездов и их отправления, прибегая к всевозможным решительным средствам; 3) если всетаки посадка и отправление состоялись, то направлять такие поезда отнюдь не по месту требуемого назначения, а через ближайшие узлы в обход и кружить. Обо всем незамедлительно уведомлять по аппарату главные дорожные комитеты; 4) так как обе враждующие стороны нарушают уже самочинно нейтралитет Всероссийского железнодорожного союза, а также в целях предотвращения проезда в пассажирских поездах, как первая ступень всеобщей забастовки, отменяются в двенадцать часов в ночь со второго на третье ноября все без исключения поезда пассажирского движения, кроме дачных и пригородных, движение которых сохраняется в районе на расстоянии около пятидесяти верст от Москвы, Петрограда, Киева, Харькова и других подобных крупных городов. Поезда, начавшие свое движение до этого срока, доводятся до пункта назначения; 5) по мере накопления на станциях отпускных солдат, следующих как с фронта домой, так и из отпусков на фронт, предоставлять им для посадки вагоны и поезда по разрешениями главных дорожных комитетов; 6) для посадки эшело-

нов и частей войск, следующих на фронт, вагоны подавать немедленно и отправлять поезда без задержки по назначению; 7) отпускных солдат по пункту пятому, а также эшелоны по пункту шестому направлять, минуя Москву и Петроград, и не допускать ближе ста верст от Москвы и Петрограда; 8) Главные дорожные комитеты о всех передвижениях по настоящей телеграмме беззамедлительно сообщают Московскому Бюро Викжеля; 9) Правления профессиональных железнодорожных союзов укажут немедленно конкретные подробные меры по пункту второму; 10) дальнейшие указания в осуществление нейтралитета и принятию мер поручается Московскому Бюро Викжеля» [1]).

Мною приведена эта телеграмма почти целиком с тем, чтобы показать, насколько Викжелем был детально развит план, проведения своей позиции по всей сети жел. дор. Предусмотрены все мелочи, все возможные случаи. Должен отметить, что пункт четвертый телеграммы, об'являющий проведение частичной забастовки, фактически во-первых, не был проведен повсеместно и организованно в жизнь, а во-вторых, не имел реально значения, ибо, как мы увидим ниже, нейтралитета фактически не получилось. Однако, целиком или частично, а попытки к проведению указанного плана начали Викжелем делаться еще за несколько дней до его рассылки в форме означенной телеграммы.

Вот характерный пример. относящийся к проведению Викжелем «нейтралитета» в отношении приостановки движения эшелонов враждующих сторон. Один из членов Викжеля, находящийся в Петрограде, сообщает другому члену Викжеля в Москву по прямому проводу 28-го октября между прочим следующее:

«Местные организации согласно наших постановлений и указаний препятствуют движению войск как на Петроград, так и от Петрограда. Так, например, на Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге восемьсот человек красногвардейцев с восьми часов утра до трех часов дня не могли уехать из Петрограда, несмотря на наличие вагонов и паровозов. Согласно указания Главного дорожного комитета машинисты об'явили больными паровозы, смазчики вагонов, стрелочники не могли переводить стрелок, как будто из-за их порчи и тому подобное. Комиссар военнореволюционного комитета не мог и не может ничего сделать. В конце концов большевики явились в Главный Дорожный Комитет и угрожали самосудом, арестовали председателя и товарища председателя и секретаря и отправили в Смольный, угрожая на площади произвести расстрел [2]). *Еще заблаговременно вчера часть Главного Дорожного Комитета выехала*

---

[1]) Телеграмма разослана 1-го ноября.

[2]) Расстрела произведено не было, и арестованные в виду настояний Викжеля были освобождены из под-ареста в Смольном в тот же день.

в Дно [1]) и оттуда руководит всеми операциями: например, задержали 10 эшелонов казаков за триста пятьдесят верст от Петрограда»'

Насколько реальными оказались эта и еще многие другие задержки эшелонов, показывают примеры, приводимые ниже.

В дополнение, раз'яснение и развитие приведенного выше плана Викжелем были даны на места многочисленные телеграммы; приводить их здесь нет основания. Укажу лишь на одну характерную телеграмму:

«Викжель подтверждая, что в происходящей гражданской войне железнодорожники обязаны сохранить самый строгий нейтралитет и не допускать передвижения враждующих между собой войск, постановил в случае угроз и насилий над железнодорожниками в целях сохранения их жизни признать за железнодорожниками право покидать места работы, каковое постановление передать дорожным комитетам для инструктирования железнодорожников» [2]).

Одним из положительных; хотя и половинчатых постановлений Викжеля за это время является постановление о назначении к начальникам дорог особых комиссаров из среды железнодорожников (см. выше телеграмму от 26-го октября).

Несомненно, что железнодорожный, как и остальной российский пролетариат, вступал в эпоху захвата управлений производством (в данном случае управления жел. дор.) в свои руки. Причин к этому было много, о коих говорить здесь не место. Необходим был лишь энергичный руководящий толчек в этом направлении для мест. С мест в эти дни в Викжель сыпались телеграммы и являлись делегации с заявлениями, что на местах со стороны административных лиц встречается саботаж, нежелание считаться ни с местными железнодорожными органами, ни с Викжелем, что ведут они свою резко контр-революционную линию и т. п. и т. п. Особенно настойчиво требовала удаления некоторых административных лиц и усатновления исчерпывающего контроля организации над начальствующими—Николаевская дорога.

Разделяя опасение мест о почти поголовной контр-революционности железнодорожной администрации, Викжель встал на путь разрешения местам назначать к начальникам дорог комиссаров от местных органов, считая, что таким путем его платформа с большей гарантией будет проведена в жизнь.

Мера эта, однако, явилась половинчатым разрешением вопроса, так как никакие комиссары (а особенно только при начальниках дорог) не могли обезвредить злонамеренную деятель-

---

[1]) Станция по Виндаво-Рыбин. ж. д. в несколько стах верстах от Петрограда.

[2]) Дана телеграмма 2-го Ноября № П/1170.

ность начальствующих, если бы последние пожелали с активностью выступить на путь определенной контр-революции в разгар октябрьских боев. К счастью для революции, в эти дни грохота пушек и дыма пороха, начальствующие предпочитали сидеть у себя по домам в выжидательной позиции, и поэтому много вреда они наделать не могли. В дальнейшем же эта мера назначения комиссаров к начальствующим не имела практически реальный характер, так как начался поголовный захват управлений железных дорог организованными железнодорожными массами.

Резюмируя сказанное, я подчеркиваю: Викжель в дни Октябрьской революции, захватив телеграф и телефонную станцию министерства путей сообщения, связался со всей сетью железных дорог, получал ежемесячную информацию со всех концов России и ежеминутно по прямым проводам давал указания и директивы, вел контроль над перевозками эшелонов, принимал меры к приостановке движения эшелонов враждующих сторон и т. д. и т. п. и все это делал с целью проведения своей платформы в жизнь, во имя «нейтралитета».

IV.

Бесплодность и банкротство платформы Викжеля.

1.

Здесь нам необходимо остановиться на вопросе: удалось ли Викжелю провести в жизнь свою тактику «активного нейтралитета».

О проведении в жизнь платформы «однородного социалистического министерства» говорить не приходится, так как всем известно, что она провалилась.

Прежде всего должен отметить, что если в отношении платформы по вопросу конструкции власти и существовало более или менее единодушное мнение у всего Викжеля, то по вопросу о тактике «нейтралитета» внутри самого Викжеля не было единства; недовольство этой позицией было у самих членов Викжеля и справа и слева. Вполне довольной этой позицией было беспартийное «болото», часть эс-эров (правых и левых) и часть меньшевиков.

Приведу в доказательство несколько примеров, подтверждающих правильность мною сказанного.

Информируя Викжель по прямому проводу 27-го октября о Московских событиях, член Викжеля, один из членов Московского Бюро, заявляет:

> «*Ваша позиция чисто случайная и никакой точки зрения, очевидно, вы не имеете. Казалось бы, необходимо иметь какую-то более определенную тактику. В Москве мы положительно не можем быть без этой определенности* (в отношении тактики—П. В), *особенно теперь, когда в городе происходит сражение, когда комитет общественной безопасности, куда вошли и наши представители, пред'являет к нам требования о помощи в смысле подвоза войск к Москве и различным другим пунктам Московского округа, где господствует анархия большевизма*».

Это говорит один из самых видных членов Викжеля, недовольный тактикой Викжеля, считающей его тактику и «случайной» и неосуществимой.

«Когда же определится окончательно позиция Викжеля по отношению к развертывающимся событиям?»,—

вырывается у него же в конце этого разговора...

Недоволен позицией Викжеля и другой член Викжеля, член того же Московского Бюро:

«Надо было бы остановиться на образовании Временного Правительства из однородного состава социалистических партий без большевиков, этим мы заслужили бы общественные симпатии громаднейшей массы всего населения, общественных организаций и социалистических партий» и т. д. и т. п.[1]).

Совершенно определенно недоволен тактикой Викжеля один из виднейших руководителей телеграфной секции Викжеля, работавший с Викжелем с первых дней его существования:

«Гражданская война началась», говорит он из Москвы по прямому проводу с Петроградом 28-го октября, *«и мы уже в ней принимаем если не активное, то пассивное участие. Требуем от Викжеля сказать, за кого вы».*

Вот оно недовольство позицией Викжеля внутри его самого, недовольство, порожденное или определенной партийной принадлежностью или же окружающей реальной обстановкой, толкавшей на определенную поддержку той или другой стороны.

С другой стороны, и в левой части Викжеля существовало недовольство тактикой Викжеля. Уже через несколько дней после приезда Викжеля в Петроград, со стороны некоторых членов «левой» поднялся вопрос о прекращении неопределенности и признания советской власти. «Не думает ли Викжель изменить позицию в связи с настоящей политической кон'юнктурой»—спрашивает, правда, робко, но все же ставит вопрос о необходимости более определенной позиции Викжеля, один из членов «рабочей группы» по прямому проводу из Ставки. Такое же мнение высказывали и другие члены «левой» Викжеля.

Самому постановлению о занятии позиции «нейтралитета» предшествовали на заседании Викжеля горячие споры, оттенившие не единогласие по этому вопросу среди самих членов Викжеля.

Благодаря чрезвычайной нереальности, теоретичности этой тактики, в виду отсутствия полного единогласия по данному вопросу, вследствие, наконец, принадлежности к различным партийным течениям—члены Викжеля (я не говорю о Викжеле как орга-

---

1) Разговор по прямому проводу 31-го октября Москвы с Петроградом.

низации в целом—в его постановлениях, руководящих распоряжениях и пр.) сами не соблюдали подчас даже видимости нейтралитета. Вот отдельные факты, подтверждающие сказанное.

Тов. Рязанов, приезжая в здание министерства путей сообщения, обычно вел переговоры и информировался у одних и тех же членов Викжеля, и эти члены Викжеля представляли ему возможность беспрепятственных переговоров по телефону с Москвой. Что тов. Рязанов говорил с Москвой, *о чем он хотел*—этому порука его горячий, не допускающий уздечки, темперамент.

Правда, эти беспрепятственные разговоры с Москвой чуть было не кончились трагедией для тов. Рязанова, так как узнавши, раз, что Викжель (в данном случае не Викжель, а два—три члена Викжеля) позволяет большевику-Рязанову говорить бесконтрольно по телефону с Москвой, все служащие министерства путей сообщения в количестве около 1000 человек окружили с ревом и воем телефонную комнату, в которой находился тов. Рязанов, клеймили Викжель за нарушение нейтралитета и требовали немедленной выдачи тов. Рязанова им для физической расправы. Момент был слишком серьезный, красногвардейская команда, дежурившая около телеграфной станции, также взволновалась от бушующего рева служащих и достаточно было самого незначительного повода, чтобы произошла свалка. Инцидент, так или иначе оказался ликвидированным (как это ни странно может показаться некоторым,—главным образом благодаря проявленному тов. Рязановым хладнокровию), но факт нарушения некоторыми членами Викжеля «нейтралитета» остался налицо.

В другой раз, вызвав по прямому проводу члена Викжеля, члены Московского Военно-революционного комитета выразили желание переговорить по прямому проводу с тов. Лениным и Троцким. Член Викжеля, принявший это пожелание по прямому проводу, пренебрегая «нейтралитетом» поехал немедленно в Смольчый и привез с собой т.т. Троцкого и Рязанова (тов. Ленин был в это время занят на заседании). Приняв меры предосторожности во избежание повторения эксцессов, аналогичных с тов. Рязановым, тот же член Викжеля провел т.т. Троцкого и Рязанова в телеграфную станцию, но засим был вызван в другое помещение, и в телеграфе во время разговора т.т. Троцкого и Рязанова оказался другой член Викжеля, который контролируя разговор тов. Троцкого, лишил последнего возможности высказать все то, что он считал необходимым сказать.

> *«Мне не дано возможности на этот вопрос ответить — контроль Викжеля»* — вырывается с досадой у тов. Троцкого и он бросает разговор.

Не безынтересно будет здесь привести выдержку из разговора тов. Троцкого, которая хотя и не имеет прямого отношения к затрагиваемому вопросу, но представляет из себя несомненный исторический интерес.

«После низвержения Правительства Керенского, говорит тов. Троцкий, *ЦК нашей партии предложил власть Всероссийскому С'езду Советов, куда вошли все социалистические партии от большевиков до сторонников Дана. Таким образом, наш ЦК отнюдь не исключал социалистической коалиции на основании определенной программы. Коалиция была отвергнута справа. После этого мы предлагали коалицию левым эс-эрам, железнодорожникам, почтово-телеграфному союзу и остаемся на этой позиции целиком и сейчас. Но считаем, что ход переговоров не может парализовать нашу борьбу против контр-революционных войск Керенского* (намек на перемирие). *Всякая нерешительность в этой области погубила бы все дело демократии. Переговоры с демократическими партиями ведутся, но никаких переговоров с корниловцами мы не допускаем».*

Вернемся, однако, ближе к делу: вот обратная картинка отношения членов Викжеля к «нейтральным» переговорам по телеграфу. Разговор идет по прямому проводу 5 ноября между Черновым из Ставки и членами ЦК ПСР Гуревичем и Фирсовым из Министерства Путей Сообщения. При разговоре присутствуют в Ставке и в Москве члены Викжеля. Переговорив обо всем, что Чернову хотелось сказать, вплоть до предложения перенести крестьянский с'езд из Петрограда в Могилев (против чего высказался категорически Викжель) и опасаясь, что присутствующие при разговоре члены Викжеля узнают самое важное, — Чернов предупреждает петроградских собеседников, что он будет говорить «Крестьянским способом» и передает по аппарату шифрованные фразы [1]). Члены Викжеля тут же стоят и не делают попыток к воспрепятствованию нарушения «нейтралитета». Следующее свидание по аппарату при том же «нейтралитете» членов Викжеля назначается Черновым на следующий день утром.

Итак, тов. Троцкому не дали возможности сделать по аппарату простую информацию, а Чернову разрешили беседовать на тему перенесения крестьянского с'езда в Могилев (против чего, повторяем, даже Викжель категорически возражал) и передавать шифрованные фразы. Это ли не «нейтралитет» внутри самого Викжеля.

Как известно, уже из изложенного выше, Викжель отмежевываясь слева и справа, решил не допускать к пропуску телеграмм, направленных одной из враждующих сторон в защиту своей пози-

---

[1]) Весь упомянутый разговор сохранился в материалах. Уместно будет отметить заявление Чернова, сделанное им в процессе разговора: «В виду того, сказал Чернов, что вина за все происшедшее лежит в значительной мере и на ошибках прежней тактики цепляния за Керенского и коалицию, которую теперь приходится бросать даже самым ярким приверженцам, я считаю безусловно необходимым полную внутрипартийную амнистию в обе стороны.

ции или в целях опорочения позиции противника, а также вообще телеграмм сторон, имевших отношение к гражданской войне. И что же мы видим? Самим председателем Викжеля, нарушающим и это постановление Викжеля и «нейтралитет» рассылается по всей сети телеграмма комитета спасения родины и революции явно погромного характера. Правда, по настоянию некоторых членов Викжеля, узнавших об этом, была дана вслед от Викжеля телеграмма, раз'ясняющая допущенную «ошибку» посылки первой телеграммы, но никого этой поправкой надуть не удалось.

Необходимо здесь остановиться еще на одном моменте.

Члены Викжеля дежурили круглые сутки и в телефонной станции Министерства Путей Сообщения и на телеграфе, и в помещении Викжеля. Круглые сутки проходили через Викжель вереница всевозможных делегаций: и от железнодорожников, и от рабочих Петроградских заводов, и от воинских частей, и с фронтов, и от студенчества и от интеллигентных тружеников и т. п. Одновременно десятки аппаратов телеграфа выстукивали со всех концов России запросы, требовали раз'яснений, указаний, делали информационные сообщения и пр. и т. п. И вот тут каждый член Викжеля, дежуривший ли у телеграфного аппарата или на телефонной станции, или же принимавший делегацию, проводил фактически свой собственный «нейтралитет». Один давал распоряжение разобрать пути перед носом белогвардейского эшелона и пропустить броневик с красногвардейцами, другой отдает распоряжение как раз противоположное, третий предлагает местным железнодорожным организациям, коль скоро к ним применяется насилие пропускать и тех и других. Каждый из членов Викжеля, желая в душе победы той или другой стороне, невинно или сознательно в своих действиях опрокидывал «нейтралитет».

В результате деятельности Викжеля, и особенно отдельных его членов получилось то, что прогремело на всю Россию словом «викжеляние», «завикжелять» и т. п. Викжель стал именем нарицательным. Викжель стал символом шатания, расплывчатости, раздвоенного копыта, беспринципности...

Я полагаю, что можно ограничиться и приведенными выше примерами в доказательство того, что и самими членами Викжеля фактически нейтралитет ежедневно и ежечасно нарушался.

2.

Остановимся здесь также кратко на описании деятельности Московского Бюро Викжеля в дни октябрьских боев с выяснением тех результатов, которые получились от проведения платформ Викжеля в Москве.

Я далек от мысли взять на себя задачу подробного описания событий, котрые происходили в Москве в период времени с 26-го октября по 5-ое ноября 1917 г. Я остановлюсь на отдельных эпизодах «гражданской войны» в Москве лишь постольку, поскольку они связаны с деятельностью Московского Бюро Викжеля.

Как уже выше было указано [1]), Викжелем, переехавшим 25 октября в Петроград, было выделено из своей среды Московское Бюро, на которое легла обязанность проведения платформы Викжеля в условиях московской действительности.

Если Викжелю в Петрограде было сравнительно легко диктовать свою платформу нейтралитета, то проводить ее на местах и особенно в Москве представляло для Бюро Викжеля непреодолимые трудности. Захват власти в самом Питере произошел сравнительно легко. Керенский, в конечном итоге, не представлял из себя несокрушимой силы, а Викжель проводил свою платформу хоть и в обстановке чрезвычайной напряженности, но все же не на уличных баррикадах, не под свист шрапнели и грохот артиллерийского огня, в дыму пороха и смерти, а вдали от кровавых ужасов, в обстановке совещаний, заседаний, дискуссий на различные политические темы, вопросы и запросы.

В Москве же октябрьские бои разыгрались в исключительно ожесточенной и упорной форме, втягивая в свою непосредственную близость само бюро Викжеля и ставя перед ним ежечасно неразрешимые задачи в проведении нейтральной политики.

> «*У вас положение иное,* — говорит по прямому проводу в Петроград 1 ноября один из представителей Бюро Викжеля, — *войска Керенского придерживаются политики перемирия. У нас все спокойно, но здесь путем насилия над железнодорожниками та и другая сторона стягивает войска и психологически всякий здоровый смысл теряет пассивное состояние, которое делается абсолютно невозможным. Каждая минута сознательной или бессознательной оттяжки берет в Москве все новые и новые человеческие жизни, в том числе и железнодорожников. Подвоз войск посредством насилия над железнодорожниками фактически нарушает нейтралитет*».

> «*Ваше совещание положения не спасет,* — говорит в Петроград по прямому проводу другой член Бюро Викжеля, — *обе стороны считают что мы их продаем. Это официально заявил Комитет спасения и неофициально революционный штаб. Ну так нам с вами говорить нечего, господа генералы от масс* — кончает взволнованно свой разговор член Бюро, возмущенный нескончаемыми разговорами на политические темы Викжеля» [2]).

И Московское Бюро Викжеля, не выдержав с первых шагов нейтралитета, входит в комитет спасения родины и революции (или, как он назывался в Москве—комитет общественной безопасности), составленный из представителей правых социалистических партий, представителей Исполнительного Комитета Совета Крестьянских Депутатов, Союза почтовиков, городского и земско-

---

[1]) См. также сборник № 2.

[2]) Переговор по прямому проводу Викжеля с Москвой 30-го октября.

го самоуправления, штаба военного округа и Бюро Викжеля. Лишь после настоятельных требований Викжеля — Московское Бюро 30-го октября выходит из состава комитета спасения, упрекая Викжель в том, что он поставил Бюро «в неловкое и двусмысленное положение».

Следуя директивам Викжеля из Петрограда, Московское Бюро занялось проведением Викжелевской платформы в Москве. Внимание Бюро было сосредоточено на двух моментах: с одной стороны добиться заключения перемирия сторон, в целях прекращения кровопролития уличных боев, а с другой стороны, создав совещание аналогичное петроградскому, добиться об'единения всех социалистических партий в Москве на платформе Викжеля в отношении конструкции власти.

Взяв на себя роль посредника между воюющими сторонами, Бюро Викжеля пред'явило 29-го октября обоим сторонам ультиматум, требуя устройства совместного совещания для обсуждения вопроса о возможном прекращении кровопролития. Ультиматум возымел действие и в тот же день, 29-го октября, состоялось при посредничестве Бюро Викжеля заседание представителей враждующих сторон в помещении последнего. Совещание это выделило из своей среды следующую согласительную комиссию: 1) представителей от революционного штаба тов. Смидовича и еще кого то, 2) от городского самоуправления—Руднева и Юсупова, 3) Полковника генерального штаба и 4) от меньшевиков (фракции совета)—Хинчука и 5) представителей Бюро Викжеля[1]). Это совещание остановилось, главным образом, на обсуждении вопроса о заключении перемирия и установлении нейтральной зоны.

После горячих прений и неоднократных призывов членов Бюро Викжеля к взаимным уступкам, был выработан следующий текст соглашения: «1) для выработки определенного соглашения устанавливается с определенного часа перемирие на 24 часа; 2) с момента об'явления перемирия все боевые действия прекращаются и стороны остаются на своих местах; в течение этого срока вырабатывается окончательное соглашение по заключению такового; 3) сводные части (как солдатские, так и офицерские) распускаются; 4) обе стороны издают постановление о сдаче захваченного оружия для организации дружин в период боевых действий; 5) для контроля над выполнением этих обязательств учреждается комиссия, состоящая из представителей обеих сторон на паритетных началах и Викжеля; 6) эта комиссия принимает все меры для водворения революционного порядка и борьбы с контр-революцией; 7) по заключению соглашения войска обеих сторон разводятся под контролем этой комиссии по своим частям и поступают в распоряжение Рябцева, действующего с ведома и согласия СР и СД и полковых комитетов».

---

[1]) Состав совещания взят из переговоров членов Бюро Викжеля с Петроградом и указанный перечень не гарантирует от неточностей.

По целому ряду пунктов приведенного текста не состоялось соглашения сторон: некоторые пункты были приняты обеими сторонами, по некоторым пунктам представители Военно-революционного комитета воздержались от принятия. Комиссией, однако было принято решение предложить сторонам перемирие от 12 часов 31-го октября с тем, чтобы в 2 часа ночи 30-го октября возобновить заседание согласительной комиссии.

Поэтому Бюро Викжеля полагало, что препятствий хотя бы на заключение временного перемирия ни с одной стороны не встретится. Пришлось горько разочароваться: как и можно было предвидеть, указанный проект соглашения оказался неприемлемым для Военно-революционного комитета, который 30-го октября утром сообщил Бюро Викжеля: «Признавая, что пункты, которые были формулированы на общем совещании Викжелем и другими организациями, оказались для Военно-революционного комитета неприемлемыми, он прекращает перемирие. Признаем, однако, возможным в ближайшем будущем по взаимному уговору начать переговоры о мире на платформе советской революции».

Это оказаолсь сильным ударом для Бюро Викжеля. Опять орудийная стрельба, опять кровопролитие, опять неудача в посредничестве.

Бюро Викжеля совершенно теряет равновесие и через одного из своих членов заявляет по прямому проводу Викжелю:

> *«Поступок большевиков поставил нас перед вопросом об отказе состояния нейтральности и предоставлении себя как технического аппарата, в распоряжение Комитета общественного спасения. У нас этот вопрос решен положительно и не скроем — Ваше перерешение его ставит перед нами дилемму или неподчинения вашему постановлению или сложения с себя полномочий Бюро и предоставления дорогам Московского узла самоопределения позиции в развитии ужасной катастрофы».*

Вечером этого же дня, 30-го октября, Московское Бюро получает на свое заявление следующий лаконический ответ от Викжеля:

> *«Совещание о конструкции правительства проложается. Предполагаем сегодня ночью достигнуть соглашения. Примите все меры к продолжению перемирия и прекращению сепаратных его нарушений»[1].*

Опасаясь все же, что указанная телеграмма не явится достаточно убедительной для Московского Бюро, Викжель на следующий день, 31-го октября, предостерегает по прямому проводу дополнительно Бюро от опрометчивого шага выхода из «нейтрального положения» и предлагает «обсудить сейчас вопрос, насколь-

---

[1]) Телеграмма от 30-го октября за № III/1166.

ко возможно в настоящий момент при вышеуказанной кон'юнктуре становиться на одну из сторон и активно ввязываться в борьбу, не попробовав еще раз...».

В результате Московское Бюро, окрыленное надеждами на возможность благоприятных результатов от совещаний в Питере, воздержалось от открытого перехода на сторону комитета спасения.

Параллельно с вооруженной борьбой, Бюро Викжеля созывает в Москве целый ряд совещаний из представителей партий и организаций для выработки платформы соглашения, прекращения борьбы и создания единой власти в Москве.

После целого ряда заседаний 2-го ноября в 5 часов вечера было заключено, наконец, соглашение или, как оно называлось, «договор между Военно-революционным комитетом и комитетом общественной безопасности».

Этот любопытный документ, как имеющий большой исторический интерес, я привожу целиком

«1) Комитет общественной безопасности прекращает свое существование, 2) белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их звании оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности; 3) для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в пункте 2, организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве; 4) с момента подписания мирного договора обе стороны немедленно отдают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах; 5) по подписании соглашения все пленные обоих сторон немедленно освобождаются. Представители Военно-революционного комитета—Смидович и Смирнов, представители комитета общественной безопасности — Руднев, Сорокин и Студницкий, представители соединенных войск, остающихся верными временному правительству—подпоручик Якулов, юнкер Кабро и казак Кунгурцев. Присутствовали и подписали сей договор представители следующих партий и организаций: 1) Московская организация об'единенных интернационалистов РСДРП, 2) Московская организация РСДРП (об'единенной), 3) Областное информационное бюро социал-революционеров интернационалистов, 4) Московский Комитет Бунда, 5) Еврейская Социал-Демократическая рабочая партия (Поалей-Цион), 6) Польская партия социалистов (левица), 7) Всероссийский союз железнодорожников (Викжель), 8) Московский Областной Исполнительный Комитет СРС и Кр. Д., 9) Исполнительный Комитет ССД. Председатель собрания В. Михалевский, секретарь Д. Кислянский.

К этому документу приложено было следующее сопроводительное заявление:

«Все военнослужащие и белая гвардия заявляют, что они вели борьбу не для достижения политических целей, а для водворения государственного порядка и охранения жизни и имущества жителей гор. Москвы. Председатель соединенного исполнительного комитета войск, оставшихся верными временному правительству, подпоручик Якулов, член исполнительного комитета военно-учебных заведений в Москве юнкер Кобро».

Теперь-то уже Бюро Викжеля торжествует: соглашение состоялось, кровопролитие остановлено. Правда, в соглашении как будто ничего не говорится о конструкции власти, но «это приложится», а главное—кровопролитие остановлено. И в Питер сыпятся довольные телеграммы:

> *«Вот у нас вчера 9 часов вечера заключен мир, подписанный Рудневым, Рябцевым и представителями от большевиков,—так что теперь в Москве после бурных суток настала тишина, хотя победили большевики, которые все остаются на своих местах впредь до распоряжения Военно-революционного комитета. Белая гвардия сдает оружие»* [1]).

> *«Гражданская война в Москве кончилась 2 ноября —* дает телеграмму в Питер Бюро Викжеля — *при посредстве нейтральных организаций, в том числе Викжеля. Вопрос о конструкции* (власти—П. В.) *вести соглашением не предусматривается. Будет решен особым совещанием составе всех социалистических партий, а также революционных организаций»* [2]).

Насколько Бюро Викжеля было слепо уверено в осуществлении соглашения между воюющими сторонами и прекращения гражданской войны, свидетельствует следующий разговор по прямому проводу члена Бюро Викжеля с одним из представителей местной организации 2 ноября за 1½ часа до заключения приведенного выше «договора». На информацию о происходящем движении эшелонов казаков на Москву член Бюро требует:

> *«...оказать всякое препятствие передвижению казаков всеми мерами, которые вы найдете подходящими путем ли задержания их на одном месте хотя несколько часов или даже разборкою рельс с соответствующим предупреждением о могущем быть крушении. Задержка войск на несколько часов необходима потому, что бои в Москве через час или два прекратятся совершенно, так как войска комитета общественой безопасности капитулируют перед войсками революционного комитета большевиков».*

---

[1]) Сообщение по прямому проводу 3-го ноября утром.

[2]) Телеграмма Бюро Викжеля от 3-го ноября № 219, данная по всей России.

Здесь оказалось, между прочим, и непонимание Бюро Викжеля того факта, что независимо от какого бы то ни было соглашения, комитет спасения не пошел бы ни на какие соглашения, не говоря уже о капитуляции, перед Военно-революционным комитетом, если бы получил подкрепление со стороны.

Бюро Викжеля, однако, радовалось слишком преждевременно. В этом отношении комитет спасения родины и революции оказался куда проницательнее, нежели Бюро Викжеля. Сознавая, что переговоры—переговорами, а война—войной, учитывая, что вопрос решается не в московском, а в обще-российском масштабе—комитет спасения не доверял особенно ходу происходивших политических совещаний, о чем свидетельствует следующий документ, присланный от комитета спасения в Бюро Викжеля за 2 часа до заключения приведенного выше «договора»:

«...комитет общественной безопасности ставит Военно-революционному комитету вопрос: на каких конкретно условиях Военно-революционный комитет считает возможным немедленно прекратить военные действия. Со своей стороны комитет общественной безопасности заявляет, что при данных условиях он считает необходимым ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-революционным комитетом, перейдя к методам борьбы политической и предоставляя будущему разрешение в общегосударственном масштабе вопроса о конструкции власти в центре и на местах».

Это последний крик комитета спасения перед капитуляцией. И комитет спасения не ошибся, как ошиблось Бюро Викжеля.

В связи с полным поражением Керенского под Петроградом, повсеместным захватом советами власти в свои руки, улучшением военного положения пролетарских отрядов в самой Москве и т. д. —Московский революционный пролетариат счел вредным для интересов пролетарской революции итти на какие-либо уступки контр-революции и в течение последующих двух-трех дней продолжая обрушиваться со всей тяжестью на остатки отрядов белогвардейцев комитета спасения, их раздавил и полностью обеспечил пролетарскую победу советской власти в Москве...

И тут, таким образом, посредничество и вмешательство Викжеля в проведении своей платформы осталось бесплодным.

Мы видим с одной стороны, что проведение платформы Викжеля и в Москве не дало никаких положительных результатов, а с другой стороны и тактика его «нейтралитета» оказалась невозможной к проведению, и провалилась.

Остановимся теперь кратко на вопросе—мог ли Викжель на местах вообще проводить хотя бы «маленький» относительный «нейтралитет?».

Громадное количество сведений и сообщений с мест, полученных Викжелем в виде телеграмм и передач по прямому проводу в рассматриваемый период, касаются того тяжелого положения, в каковое попал железнодорожник на линии: он попал между двух огней, его положение бесвыходное, так как он по приказу Викжеля *должен* сохранять нейтралитет, и *не может* его выполнить чисто физически. Что может сделать безоружный железнодорожник перед вооруженной силой, когда последняя, требуя от него нарушения нейтралитета (отправки эшелонов, передачи телеграмм и пр.), грозит ему опасностью для его жизни. В такие моменты все постановления Викжеля вместе взятые, ничего не стоят перед такой опасностью угрожающей далекому от «политики» мелко-буржуазному железнодорожнику. То, что Викжель не понимал, проводя свой «нейтралитет», очень хорошо поняли многие железнодорожники:

> «*в виду позиции Викжеля против выступления большевиков,* телеграфирует 27-го октября Районный Саратовский железнодорожный комитет, *просим пересмотреть вопрос о запрещении передвижения казачьих войск, так как при вооруженном выступлении на борьбу за власть большевиков НЕОБХОДИМО ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, ОПИРАЮЩЕЕСЯ НА ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ*». (Пр. курсив мой—П. В.).

То, что не понял Викжель — поняла местная организация. Правда, Викжель разрешил местным работникам, в случае применения к ним насилия, бросать работу (см. выше), но это не разряжало положения, так как не все хотели сохранять «нейтралитет» (об этом ниже), и поэтому железнодорожнику, бросающему работу, трудно было скрыться от возмездия той или другой стороны. Какая наивность, но в то же время трагизм и безысходность загнанного в тупик положения слышится в телеграмме Исполнительного Комитета Омской жел. дор. от 3 ноября, который взывает:

> «*занимая нейтралитет протестуем против ареста железнодорожных телеграфистов. Просим принять все меры к освобождению арестованных товарищей*».

С чисто деловой стороны подходит к вопросу Исполнительный Комитет Рязано-Уральской жел. дор. в своем телеграфном заявлении Викжелю 31-го октября:

> «*...положение на линии крайне неопределенное и запутанное программой Викжеля, а именно нейтралитетом, и противодействие враждующим сторонам на практике трудно применимо, ибо в большинстве случаев почти невозможно определить — какие войска и с какой именно целью идут по тому или иному направлению и что с ними делать — задерживать или пропускать*».

И действительно, необходимо констатировать, *что железнодорожниками нейтралитет, даже при условии искреннейшего желания его провести, почти не соблюдался:* наблюдались, правда, массовые случаи «саботажа» той или иной стороны, но они не могли повлиять на «смягчение или прекращение братоубийственной войны». А ведь одной из главных причин об'явления Викжелем нейтралитета именно и служило желание прекратить гражданскую войну. Часто же получалось даже наоборот: обозленные и выведенные противодействием железнодорожников из себя воинские части совершали насилия над последними, не смягчая, а углубляя «войну». К тому же, какую стойкость мог внушить Викжель местам, когда по всей сети жел. дор. телеграфистами Москвы Николаевской дороги было сообщено о том, что «нейтралитет нарушен самым наглым образом большевиками, а Викжель заявил, что *он помочь бессилен»* [1]). Викжелю действительно удавалось во многих случаях добиваться от Военно-революционного комитета освобождения арестованных железнодорожников, но бывали и неоднократно случаи, как в приведенном примере, когда Викжель оказывался бессильным, так как и у Военно-революционного комитета лопалось терпение от назойливого нейтралитета.

Чрезвычайно характерно, что громадное количество арестов «активно нейтральных железнодорожников» производилось революционной частью железнодорожников же. Таковы случаи арестов членов Исполнительного Комитета Николаевской жел. дороги рабочими службы тяги 1-го и 9-го участков; членов главного дорожного комитета Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор. рабочими петроградского участка и т. п. В этой части, к сожалению, сохранилось очень мало материалов, так что общей картины восстановить нельзя, но в записях одного из членов ревизионной комиссии Викжеля («Правого») об Октябрьских днях за 31-ое октября с грустью значится: «весь день поступают сведения об арестах железнодорожников, при чем аресты часто производятся красногвардейцами из железнодорожников».

Места же, сталкиваясь с угрозой арестов или расправы и не имея уверенности в безусловной помощи Викжеля, проводили не активный, а пассивный нейтралитет, т.-е. возили и передвигали всех тех, которые этого от них требовали (иначе говоря, нарушали викжелевский нейтралитет). Вот обычный пример такого положения, встречавшийся в разбираемый период в массовых случаях...

«Из Малой Вишеры (по Николаевской ж. д.—П. В.) *сообщали, что Чудово отказывается принимать меры к остановке блиндированного поезда из боязни личной безопасности. Вероятно он беспрепятственно доедет до Петрограда* [2]).

---

1) Телеграмма от 2-го ноября № 96.

2) Передана по прямому проводу в Викжель 2-го ноября.

«Большевистские солдаты 8 запасного полка проследовали в силу угрозы. Паровоз сопровождается вооруженной охраной»[1]*).*

Характерно, замечу в скобках, что на этой телеграмме поставлена председателем Викжеля резолюция: «к делу» и понятно, почему—обычная картина, изменить нельзя.

«...по Николаевской жел. дороге, — сообщает Викжелю из Москвы представитель секции телеграфа, — *из Твери и Москвы следуют вооруженные большевики количеством триста пятьдесят человек. Остановить их служащие бессильны. На Нижегородской дороге станция Коврово занята большевиками и все движение происходит по расписанию большевиков».*

«Сейчас получено сообщение, — передает по прямому проводу в Питер 1 ноября тоже председатель Секции телеграфа, — *что на Александровской дороге идут 20 эшелонов казаков с броневиками и орудиями, и на станции Вязьма два эшелона уже прибыли и в городе кровопролитие. Остановить этого движения железнодорожники не могут. Такие же сведения получены и от других дорог».*

Вот вам несколько телеграмм, выхваченных мною наугад, Могли ли места при указанных условиях проводить активный нейтралитет? Конечно нет! Тысячу раз нет! Проводили ли места его? Не проводили!

Но было бы ошибкой думать, что «нейтралитет» железнодорожниками нарушался под давлением одной какой-либо стороны. Отнюдь нет. Обе воюющие стороны, поскольку встречали на своем пути преграды и помехи, стремились их преодолеть и преодолевали. А так как такой преградой и помехой был железнодорожник вертевшийся под ногами борющихся сторон, то ему и влетало больше всего. Должен оговориться, что не все железнодорожники вертелись «под ногами», отнюдь нет (об этом ниже), но эта категория являлась самой многочисленной, не примкнувшей активно ни к одной из сторон, а тянувшейся изо всех сил провести тактику Викжеля. Вот обстановка, в которой железнодорожники *должны* были проводить нейтралитет:

«Телеграф Петроград Николаевской жел. дор. занят красногвардейцами; железнодорожное Бюро удалено большевиками со станции Дно и телеграф ими занят; телеграф станции Минск захвачен Военнореволюционным комитетом; телеграф станции Нахабино занят советом рабочих и солдатских депутатов; телеграф и вся станция Красноярск занята силами губернского об'единенного исполнительного

---

[1]) Телеграмма из Твери 2 ноября.

комитета. Телеграф станции Венден Северо-Западной дороги занят Военнореволюционным комитетом; станция Ярославль занята красногвардейцами; станция Званка Мурманской дороги занята красногвардейцами; станция Пермь занята Советом Рабочих и Солдатских Депутатов» [1]) *и т. д. и т. п.*

Я привел лишь несколько взятых наугад телеграмм, находящихся у меня под руками, которые, конечно, не исчерпывают полной картины октябрьской действительности. Обратите внимание на даты подачи телеграмм и вы увидите, что захват железнодорожных служебных помещений и аппаратов железнодорожного транспорта происходил как раз в разгар Октябрьских боев. Спрашивается — возможно ли было проведение местами нейтралитета.

Это с одной стороны, а вот примеры, касающиеся другой стороны:

«Насилия над ДСП ДС (помощники начальников станций и начальники станции—П. В.) *со стороны комитета спасения продолжаются; целый ряд станций по Екатерининской железной дороге заняты казаками; телеграф станции Сарапул занят офицерами Сарапульского гарнизона; телеграфы Екатерининской железной дороги заняты казаками; во всем горнопромышленном районе об'явлена дактатура Каледина* [2]) и т. д. и т. п. Повторяю—возможно ли было местам проводить викжелевский нейтралитет?

А постояные аресты членов организаций, преимущественно исполнительных и главных дорожных комитетов, которые пытались противодействовать продвижению и отправке эшелонов? Один из членов Исполнительного Комитета Николаевской жел. дор. в течение 3 дней был 6 раз арестован и освобожден. В Викжеле некоторые члены даже сделались спецами, «ходатаями», по поездкам в Смольный и хлопотам об освобождении арестованных «нейтральных» членов железнодорожных организаций.

Картина слишком ясна, убийственно ясна. Не активный нейтралитет мог проводиться местами, а всего *лишь частичный саботаж,* ибо малейшее проявление активного нейтралитета подавлялось немедленно вооруженными силами сторон. Все приведенные примеры являются ярким доказательством подавления активного нейтралитета мест и обеспечения себе сторонами благоприятных условий борьбы. Но было бы ошибкой предполагать, что этот саботаж прошел совершенно незаметно для Октябрьской борьбы, не оказал на него своего влияния. Несомненно, он тормозил победу пролетарской революции, затруднял военные операции революционных рабочих, увеличивал количество ненужных жертв, и не только не смягчал кровопролития, а наоборот — его затягивал

---

[1]) Телеграммы: 16 ноября, 31 октября, 2 ноября, 4 ноября, 29 октября.

[2]) Телеграммы: 2 ноября, 29 октября, 2 ноября, 26 октября, 28 октября, 28 октября, 1 ноября, 6 ноября, 15 ноября, 18 ноября и 3 ноября.

и усугублял. Все это с логической необходимостью вытекало из хода вещей и не требует здесь особых доказательств.

Но так или иначе, а и здесь карта Викжеля оказалась битой.

4.

Если я выше говорил о невозможности провести железнодорожниками активный, т.-е. викжелевский, нейтралитет, то здесь я хочу остановиться на том, что громадное количество железнодорожников и *не желало* его проводить.

Попытки провести нейтралитет делались со стороны мелкобуржуазной, правда весьма многочисленной, части железнодорожников. Пролетарский элемент железнодорожников и элемент буржуазный (по своему классовому положению на жел. дор. и своей психологии) нейтралитета не хотели и его не проводили.

Вот как характеризует это положение кратко, но весьма поучительно, тот член ревизионной комиссии Викжеля, записи которого об Октябрьских днях я частью уже цитировал: отношение масс к событиям—двух родов: мастеровые и рабочие—в боевом состоянии—за штаб (т.-е. Военно-революционный комитет—П. В.), остальные рвутся в бой за комитет спасения. И та и другая сторона к Викжелю относятся более чем отрицательно». Оценка характерная, хотя и грешит недостаточной об'ективностью, так как по вопросу об отношении железнодорожников к Октябрьской революции, мы должны их разбить не на две, а как сказано выше на три группы: две крайние нейтралитета не желали и в своей массе его и не проводили; средняя же делала потуги к ее проведению, и его тоже не проводила (вернее—ей не давали проводить).

Уже с первых шагов проведения своей платформы и тактики Викжелю пришлось горько обжечься.

Как уже упомянуто было выше, Викжель при взятии управления министерства путей сообщения в свои руки натолкнулся на чрезвычайно недоверчивое к себе отношение со стороны служащих министерства. Не обсудив еще платформы Викжеля, служащие министерства (чиновники) в силу своего классового положения почувствовали, еще только при первой информации Викжеля, что дело не ладно, что есть в постановлении Викжеля что-то, что противоречит их классовому нутру.

И вот, устроив на следующий день, 27-го октября, общее собрание, служащие министерства путей сообщения категорически отвергли «нейтралитет» и заняли ясную и определенную позицию. Какова была их позиция, об этом свидетельствует вынесенная ими резолюция следующего содержания:

«Общее собрание служащих министерства путей сообщения решительно протестует против насильственного захвата власти одной группой революционной демократии, вопреки воли других ее частей, и против ареста членов Временного Правительства, образованного при участии органов революционной демократии,

а также против ареста тов. Министра Путей Сообщения Тахтамышева—постановило: 1) *всецело поддерживать в политических действиях Всероссийский Комитет спасения родины и революции;* 2) оказывать самое деятельное содействие Центральному Комитету железнодорожного союза по временному—впредь до постоянной организации власти, пользующейся признанием большинства демократии, заведыванию министерств. путей сообщения *до тех пор, пока ЦК союза не будет расходиться в своих действиях с линией поведения Всероссийского комитета спасения родины и революции;* 3) избрать временную комиссию из 5 лиц, с правом кооптации, для обсуждения совместно с ЦК железнодорожного союза форм текущей работы по министерству и для установления постоянного контакта как с ним, так и с Всероссийским комитетом спасения родины и революции и исполнительными органами служащих других министерств [1]).

Финал разыгрался быстро и выразительно. Так как Викжель нарушил п. 2 резолюции, то служащие забастовали, облегчая работу контр-революции и затрудняя завоевание советской власти. Нейтралитета здесь—как ни бывало. И это типичнейшая позиция всей той многочисленной группы железнодорожных служащих, которая обслуживает непосредственно управления жел. дор. (инженеры, администрация, начальствующие, конторщики и т. п.).

Как типичный образчик «нейтралитета» управленских служащих, приведу еще одно постановление общего собрания служащих управления постройки и эксплоатации Ачинск-Минусинской жел. дор., состоявшегося 1 ноября 1917 года:

«...постановило решительно протестовать: 1) против большевистской авантюры, возглавляемой безответственной кучкой пораженцев, идущих на поводу немецких империалистов и ведущих родину к гибели, 2) как свободные граждане самой свободной в мире республики, протестуем против насилия кучки изменников над всей страной и против гражданской войны, ими же учиненной, 3) протестуем против насилий над свободным трудом, творимых местными Советами Солдатских и Рабочих Депутатов, так же протестуем против занятия вооруженной силой и комиссарами общественных правительственных учреждений, нормальная работа коих при грозных событиях, переживаемых страной, необходима и никакая кучка не имеет права мешать исполнению гражданского долга, а тем более брать на себя роль контролеров, 4) мы, как железнодорожники, как люди специального труда, протестуем против насилий, творимых над нашими товарищами по труду, безответственными и дикими бандами (революционным пролетариатом—П. В.), забывшими элементарный гражданский стыд, усвоившими себе только лозунги, суть и смысл коих им не ясен и не понятен, 5) мы, как железнодорожники, *решительно протестуем против политики и линии поведения Исполнительного Комитета*

---

[1]) Курсив мой—П. В.

Всероссийского железнодорожного союза, который в своей телеграмме призвал нас к сохранению нейтралитета и т. д. и т. п.».

Я полагаю, что и двух мнений быть не может, что служащие Ачинск-Минусинской постройки, вынесшие приведенную резолюцию (в духе кишиневских погромщиков) также соблюли нейтралитет, как и служащие министерства путей сообщения, а может быть и еще «добросовестнее» в сторону более активного предательства рабочего класса.

Точки зрения управленских служащих придерживались и многие главные дорожные комитеты, большинство которых, как указывалось выше, находилось всецело под влиянием эс-эров и меньшевиков. Так, например, Рязано-Уральский главный дорожный комитет сообщил телеграммой от 27-го октября по всей сети железных дорог о том, что он «непоколебимо стоит на страже порядка в стране и защите избранного демократического Временного Правительства, которое должно довести страну до Учредительного Собрания». Такой же позиции придерживался и главный дорожный комитет Владикавказской жел. дор., который тоже по всей сети жел. дор. телеграммой от 4-го ноября повествует, о том, что он «поддерживает Временное Правительство... и требует от Викжеля поддерживать постановление избравших его, а не свои собственные». Этот дорожный комитет просит, далее, «присоединиться к этому требованию и в случае неисполнения, вынести Викжелю недоверие». Аналогичное постановление вынесено главным дорожным комитетом Северо-Донецких ж. д. («Мы твердо поддерживаем Временное Правительство...») [1]) и многими другими дорожными комитетами. А весьма часто, не вынося никакого постановления, главные дорожные комитеты фактически в своей деятельности поддерживали контр-революцию. Так, например, главный дорожный комитет Московско-Виндаво-Рыбинской дор. занимался тем, что оказывал Керенскому помощь по передаче и пропуску его телеграмм [2]). Помимо дорожных организаций и отдельные группы железнодорожных служащих выносили постановления о всемерной поддержке Временного Правительства. Так, например, телеграфисты станции Москва Курской жел. дор., служащие ст. Нижний-Новгород [3]) и другие. В мою задачу не входит здесь приводить точный перечень всех постановлений о поддержке Временного Правительства (да его и привести нельзя в виду утери многих телеграмм и постановлений), но я полагаю, что приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в *определенном нежелании очень крупной части железнодорожников проводить викжелевский нейтралитет,* при чем, если внимательно исследовать вопрос—какие категории железнодорожников проводили контрреволюцию,—легко увидеть, что это либо верхушечные железнодорожные организации эс-эровско-меньшевистского типа, либо прослойка «железнодорожной аристократии».

---

[1]) Телеграмма от 1-го ноября № 7319.
[2]) Телеграмма от 2-го ноября № 480.
[3]) Телеграмма от 27 и 28 октября.

Если существовала часть железнодорожников, не желавшая нейтралитета и нарушавшая его справа, то существовала и немаловажная пролетарская часть железнодорожников, которая также не хотела нейтралитета и нарушала его, но слева.

Это были преимущественно рабочие службы тяги, мастерских, депо, службы пути и пр. Вот несколько характерных примеров, иллюстрирующих сказанное: мастеровые и рабочие 13-го участка тяги Северных жел. дор. (т.-е. Вологды с ее крупными мастерскими) «постановили, что власть должна перейти к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»; рыбинские главные мастерские вынесли постановление «о поддержке Петроградского С. Р. и С. Д. и посылки делегатов в Петроград для контроля над действиями Викжеля»: «Общее собрание мастеровых и рабочих тяги, пути—и пр. 1 участка Моск. Винд. Рыб. жел. дор. (т.-е. Петроградского участка—П. В.) опротестовало позорную позицию Викжеля и постановило в этот тяжелый момент оказать всемерную поддержку Петроградскому С. Р. и С. Д., истинному выразителю интересов рабочих». Не довольствуясь своим постановлением, эти же рабочие насильственным путем отстранили весь состав главного дорожного комитета Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор., того самого, председатель которого, как указано было выше, рассылал приказы и телеграммы Керенского, на такой же позиции стоят и красноярские железнодорожные рабочие (Главные мастерские Томской жел. дор.), посылающие горячий привет революционным солдатам, рабочим и крестьянам Петрограда, сохранилось еще много указаний о том, что в различных частях сети жел. дор. железнодорожники—то тут, то там присоединяются к восставшему пролетариату, отвергая нейтралитет. Так, например, железнодорожники станции Орша, Риго-Орловской жел. дор. постановили присоединиться к Военно-революционному комитету, тоже железнодорожники станции Боготол Томской жел. дор. и т. д., а из Москвы телеграфирует с горечью Викжелю председатель секции телеграфа о том, что «дороги Московского узла работают в угоду большевикам». Были—хотя сравнительно мало—и такие главные дорожные комитеты, которые высказались за поддержку Петроградского выступления, как например Екатерининской жел. дор. [1]). Комитет Томской жел. дор. телеграфирует 30 октября:

«Ваши директивы выполняются, отправляем из Томска в Красноярск артиллерию в распоряжение Совета».

Бесспорно, конечно, что революционный железнодорожный пролетариат, не желавший и отвергший нейтралитет, не только выносил резолюции о поддержке пролетарского восстания, но и вступал активно на путь завоевания власти советов, и борьбы с контр-революцией, как это сделали рабочие Петроградского участка Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор. Об этом свидетель-

[1]) Телеграммы: 2 ноября № 39, 2 ноября № 68, 2 ноября № 481, 4 ноября № 91, 4 ноября № 3346, 31 октября № 889, 4 ноября № 1040. Переговоры по прямому проводу 1 ноября, телегр. 1 ноября № 8929.

ствуют примеры насилий, приведенные мною выше, которые совершались революционной частью железнодорожников над «нейтральным» и контр-революционным элементом.

На некоторых дорогах этот период знаменуется также организованным захватом революционным железнодорожным пролетариатом власти на дорогах в свои руки, путем низвержения главных дорожных комитетов и выделения из себя на их место Военно-революционных комитетов. Так произошло, например, на Московско-Курско-Нижегородско-Муромской и Окружной жел. дор., где был создан Военно-революционный комитет, издавший 1 ноября следующий характерный приказ: «Второй делегатский с'езд, под влиянием своего контр-революционного Президиума, в момент, когда разразилась подлинная пролетарски-крестьянская революция, уклонился от своей пролетарской тактики, принятой им в летней сессии. Результатом этого явилось создание Главного дорожного комитета, который сразу занял враждебную позицию по отношению рабочих и крестьян, победоносно завершивших революцию, выделил из себя комитет общественного спасения, действующий в контакте с Рудневым и К-о совместно с юнкерами, расстреливающими революционный народ. Опираясь на единение рабочих и служащих дороги, в полном контакте с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, отныне являющимся государственной властью, революционный комитет Главного дорожного комитета постановляет: 1) контр-революционный комитет, избранный на втором делегатском с'езде, в силу революции признается утратившим свои полномочия и распускается, 2) вся власть на дороге переходит Главному Революционному Комитету... 3) организации, кои не признают нового революционного органа, считаются выступившими активно против Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, и с ними будет поступлено по всей строгости революционного времени; 10) все распоряжения от Викжеля и все телеграммы политического характера контролируются комиссаром Военно-Революционного Комитета».

На следующий день, 2-го ноября, этим революционным комитетом издается приказ № 2, в котором конкретно указывается, какие деяния будут подлежать ответственности по всей строгости революционного времени. Сюда относится помощь во всех формах Керенскому и Комитету спасения и неисполнение распоряжений революционного комитета, или же противодействие Советской власти.

Итак, и с левой стороны не желали «нейтралитета» и нарушали его повсеместно.

Я не касаюсь здесь тех местных железнодорожных организаций, которые, не высказываясь, за кого они, оставались чрезвычайно недовольны половинчатой неопределенной политикой Викжеля. «Выражаем сожаление, говорит резолюция общего собрания железнодорожников станции Бабаево, что Викжель в критическую минуту государственной жизни не вынес своего отношения—на чьей из двух воюющих сторон он находится».

Действия Викжеля двойственны (говорят служащие управления Забайкальской жел. дор.) *и мы требуем от Викжеля ясного и категорического ответа—какая позиция им занята по отношению большевиков и временного правительства?»* [1]) и т. д., и т. д.

Ограничиваясь приведенными выше примерами, можно с точностью установить, что громадная часть железнодорожников не только *не могла* проводить позицию Викжеля, *но ей не доверяла*, ее отвергла, ее не хотела, ее не проводила.

5.

О банкротстве позиции Викжеля остается немного досказать.

После провала в Петрограде платформы «однородного социалистического минстерства», неудачного опыта с управлением министерства путей сообщения, тщетных попыток «остановить» гражданскую войну, краха «нейтралитета» на линии,—Викжель в лице членов «правой» пытается создать конфликт с Советской властью с тем, чтобы иметь повод об'явить всеобщую железнодорожную забастовку. Некоторыми членами изыскиваются всевозможные предлоги обосновать и оправдать свое предложение об об'явлении стачки: то в виду того, что де нейтралитет большевиками попирается и Викжель, в целях сохранения авторитета, обязан оказать им противодействие, то потому, что насилия над железнодорожниками, не прекращаются, то потому, что Викжелю не дают управлять министерством путей сообщения и т. п. Все эти неоднократные попытки встречают резкий отпор со стороны «рабочей группы», которую частью поддерживает боязливое «болото», боящееся конфликтов, а, может быть, в будущем репрессий со стороны новой власти. Чрезвычайно характерным в этом отношении является одно заседание Викжеля, сотоявшееся уже после переезда его обратно в Москву (в помещении Управления Северных жел. дор.). К сожалению ценного протокла этого заседания не сохранилось, а то можно было бы документально восстановить то общее активное настроение правой части Викжеля, которое (настроение) направлялось с упорством на разрыв с Советской властью, на борьбу с ней. Эта часть, потерпев крушение, махнула рукой на «нейтралитет», и тут то выперло наружу «волчье сердце». Все их попытки, однако, не увенчались успехом.

Для рабочей группы Викжеля стало ясно, что дальнейшее положение Викжеля, как органа, отделяющего и противопоставляющего себя Советской власти, не признающего последнюю, не только вредно, но уж просто нелепо и несуразно.

Поэтому отдельными членами рабочей группы начал упрямо ставиться вопрос о признании Викжелем Советской власти и вхождение в ВЦИК, где Викжелю, если не ошибаюсь, было оставлено 9—10 мест.

На первых порах это встретило решительный отпор со стороны большинства Викжеля. «Как же можно признать Советскую

[1]) Телеграммы: 1 ноября № 1236 и 4-го ноября № 136.

власть—говорило это большинство— когда эта власть одной партии, завладевшей ею с оружием в руках. узаконившей террор. загнавшей в подполье несогласную с ней остальную часть демократии». Чувствуя, что эти аргументы недостаточно убедительны. правая часть Викжеля начинала доказывать невозможность признания Советской власти и вхождения в ВЦИК, тем, что де Совет Крестьянских Депутатов и с.-д. интернационалисты в ВЦИК не входят, а без них мол никак невозможно».

А время все шло и положение рабочей группы становилось все нелепее. Тогда, раскачавшаяся часть рабочей группы (должен отметить, что в этот период единство рабочей группы уже не существовало) решила пред'явить Викжелю ультиматум, и в случае его непринятия—расколоть Викжель и из него уйти. Ультимативное требование было Викжелю пред'явлено, и Викжель, боясь раскола, теряя почву под ногами, вынужден был согласиться на вхождение во ВЦИК, куда и было делегировано 9—10 членов Викжеля. Тем самым Викжель косвенным путем пришел к признанию Советской власти.

Должен здесь, кстати, в двух словах, остановить внимание на «рабочей группе», Викжеля, так как у читателя может возникнуть вполне естественный вопрос—какую же роль в Октябрьские дни сыграла эта группа, что же ей удалось сделать и пр.

Рабочая группа, состоявшая из членов различных партий (см. выше) представляла из себя «левую» Викжеля без *какой-либо определенной программы и тактики.* Она не составляла сплоченной, единой части Викжеля, ясно знавшей, чего она хочет и что ей нужно делать. Об'единяла она своих членов на борьбе с оппортунистическими тенденциями Викжеля, на инстинктивном, а иногда и сознательном стремлении выпрямить тактику Викжеля по линии разрыва с соглашательской политикой и принятия революционной позиции в развернувшихся событиях. Ни своего бюро, ни вообще руководящего органа, ни постоянных совместных совещаний своих членов рабочая группа не имела. Участвуя на пленарных заседаниях—она стихийно об'единялась на боевых вопросах, вырабатывая тут же программу и тактику по каждому отдельному вопросу. Естественно поэтому, что и серьезного планового влияния на работы и решения Викжеля она оказать не могла и не оказала. Тактика ее, посему, расплывчатая, сумбурная и часто случайная не сыграла той роли, которую она могла бы сыграть при большей организованности и планомерности.

Произведи рабочая группа, например, в Викжеле раскол, если даже не в самые дни Октябрьских боев, а в период непосредственно за ним следовавший (а поводов, как мы видели выше было бесконечно много), дальнейшее развитие организации на железных дорогах пошло бы, возможно, и куда глаже, и куда нормальнее; вреда же от этого раскола не получилось бы никакого.

Так закончилось банкротство и програмной платформы и тактики Викжеля. Это банкротство свело его через два месяца 5-го января 1918 г. в могилу.

V.

Отношение к Викжелю других организаций.

1.

Заканчивая настоящий обзор, мне хотелось бы еще остановиться на характере отношения к Викжелю различных организаций. Правда, уже из изложенного выше вырисовывается более или менее ясно контуры этих отношений, но для большей цельности понимания очерченной эпохи в жизни железнодорожников необходимо все же еще раз специально коснуться этого вопроса.

Абсолютно нельзя оспаривать этого обстоятельства, что Викжель в дни Октябрьской революции занимал место одного из крупнейших политических центров. Значение транспорта в революционные дни, и отчасти его позиция выдвинули Викжель на передний фон современных ему политических событий, отведя ему роль организации, вокруг которой с центростремительной силой сгруппировались лица, организации, группы хотя и самого различного направления, но в то же время являвшиеся подчас крупными факторами в рассматриваемую эпоху. Другой вопрос—что Викжель обанкротился и что—в Октябрьские дни судьба всего дальнейшего хода революции решалась не на политических совещаниях, а на баррикадах, на улицах с оружием в руках. Но тем не менее Викжель в эти дни говорил громко, его многие слушали, слышали и прислушивались, за ним следили, многие его вниманием дорожили. Передняя Викжеля в эти дни представляла из себя репортерскую всех газетных редакций; кулуары его помещения—калейдоскопическую смену солдатских, рабочих, железнодорожных, студенческих, цензовых, революционных делегаций и депутаций; его зал заседаний цветник боевых генералов всех социалистических партий, а находившаяся в его полном и неограниченном владении центральная телеграфная станция министерства путей сообщения—своеобразный «РОСТ», где сосредоточивались со всех концов России все информационные сведения, и откуда во все углы республики давались распоряжения. Газетные столбцы российской печати пестрели именем Викжеля, склонявшегося и спря-

гавшегося на все лады[1]) и пишущему эти строки удалось даже видеть один из нумеров парижской прессы (к сожалени, не знаю—сохранился ли он или нет), где была помещена фотографическая группа членов Викжеля с многовещательным раз'яснением той роли, которую он играет.

Отношение к Викжелю крайних политических партийных организаций было приблизительно одинаково: и партия большевиков, и партии эс-эров и меньшевиков были заинтересованы и заручиться от Викжеля если не активного содействия, то во всяком случае пассивного состояния непротиводействия.

Партия большевиков в лице целого ряда своих членов, как например: Рязанова, Бубнова, Я. Свердлова, Каменева и др., с которыми Викжель в эти дни больше всего соприкасался, пытались раз'яснить Викжелю сущность происходивших событий и склонить его сочувствие на сторону пролетарской революции. Когда же вскоре выяснилось, что *Викжель не то что не хочет, а просто не может* встать на пролетарскую сторону баррикады—партия большевиков была заинтерсована в том, чтобы Викжель, как можно меньше мешал их борьбе. Этим об'ясняется отчасти та мягкая уступчивость Военно-революционного комитета, которая проявлялась в то время по отношению Викжеля: в момент напряженной борьбы, в дни ожесточенных боев, когда призрак победы еще не стал реальным фактом—для пролетарской революции было бы чрезвычайно опасно порождение против себя еще одного активного врага. Я далеко не уверен в том, что после созыва Викжелем на совещание представителей всех социалистических партий Ильич не сказал членам партии большевиков, прищуривая свой глаз: «из этих совещаний ничего не может выйти, но итти надо—только не особенно раздражайте Викжель»; и его на совещаниях не раздражали. Когда победа пролетарской революции стала совершившимся фактом, когда с одной стороны опасность от «викжеляния» уменьшилась, а с другой стороны очевидным стало, что Викжель организация верхушечная, не имеющая в массах столь глубоких корней, как это могло казаться с первого взгляда—и отношение партии большевиков изменилось. С Викжелем стали говорить более твердым языком, его постановления отклонялись[2]), его фигура начала меркнуть.

Эс-эры и меньшевики также пытались в первые дни вызвать к себе сочувствие Викжеля. Особенно интересна в этом отношении попытка, сделанная на заседании Викжеля 28-го октября. На это заседание явились Скобелев и Зензинов, которые (особенно первый) в програмных речах пытались склонить Викжель к тому, чтобы он примкнул к комитету спасения родины и революции и

---

[1]) Запись цитированного выше дневника на 31-ое октября: „Газеты пестрят словом „Викжель“. Ругают и справа и слева. Очевидно, что позиция правильна“.

[2]) Отклонено, например, Советом Народных Комиссаров назначение министра путей сообщения из среды членов Викжеля

активно выступил на поддержку последнего. Обоим было предложено Викжелем ряд вопросов, касавшихся преимущественно отношения их к коалиции, Керенскому и происходящим событиям. «Мы считаем, ответил Скобелев, необходимым дискредитировать в глазах масс идею преторианства и совершение переворотов с помощью штыка, а не помощью сотношения политических сил в стране; мы и считаем именно для этой одной из своих основных задач—необходимость прибытия Керенского в Петроград и передачу им указом власти другим министрам. Этим сохранилась бы преемственность власти». На вопрос —что они думают сделать, если бы Керенский с этим положением не согласился—Скобелев ответил: «если Керенский придет, как белый генерал, то комитет спасения революции будет всеми доступными средствами бороться с ним также, как он борется с большевиками: т.-е. силою своего морального авторитета и изоляции самого Керенского, а также и другими способами, при чем Скобелев добавил—во всяком случае Керенский нами выключен из состава всех комбинаций министерства, и в Правительстве участвовать не будет». Характерно дальше, показание Скобелева, что «он также ответственен за происходящее (см. выше заявление Чернова в Ставке—П. В.) ,так как до сих пор стоял за коалицию, а теперь пришел к убеждению, что страну доведет до Учредительного Собрания только однородное социалистическое Правительство, но участие в нем большевиков, как организации, опирающейся сейчас на силу нежелательно, как по тактическим мотивам, так и по причинам морального воздействия на массы» [1]). Скобелев с Зензиновым получили от Викжеля на них предложения прямой отказ, и оттуда прямо прошли снискивать сочувствия на общее собрание служащих министерства путей сообщения, где их встретили, правда, громами аплодисментов, но на этом они, впрочем, себе никакого политического капитальца не нажили.

Такой же неудачей окончились все повторные попытки, шедшие справа. Любопытно, что после отказа Викжеля на домогания комитета спасения,—он убедительно просил Викжель хотя бы исхлопотать, путем угрозы забастовкой, перед большевиками личной неприкосновенности для его членов. Взялся ли Викжель за такие хлопоты—оставшиеся документы и материалы ничего не говорят.

Отношение к Викжелю со стороны партии «золотой середины» было несколько иначе. Эти партии в полной мере одобряли платформу и позицию Викжеля и одним из представителей «новожизнеской» группы, к сожалению не помню, кем именно, было даже выражено восторженное восхищение «столь мудрой» пози-

1) Заявления Скобелева мною переданы без изменений, на основании текста разговора по прямому проводу члена Викжеля с Москвой, происходившего непосредственно после ухода Скобелева и Зензинова с заседания Викжеля 28-го октября вечером. Этот член Викжеля был в то время беспартийным социалистом меньшевистского уклона, благодаря чему подозревать его в тенденциозности передачи не приходится.

ции. Единственное, что казалось этим партийным организациям досадным—это невозможность проведения Викжелем «чистого нейтралитета». Со стороны этих партий Викжель не услышал упреков по адресу своей позиции, не становился об'ектом «вразумительной пропаганды». Чувствовалась какая то невидимая родственная связь в отношениях между этими партиями и Викжелем. Стоя обоими ногами на примиренческой позиции, стремясь всех примирить, все шероховатости сгладить, все и вся успокоить, эти партийные организации не могли не симпатизировать Викжелю, не поддерживать его всеми силами. Недалеко было подобное отношение к Викжелю и со стороны левых эс-эров. С. Д. об'единенные интернационалисты и левые эс-эры дольше всех других организаций поддерживали с Викжелем «дружественные и добрососедские» отношения, а левые эс-эры зазывали даже в свою фракцию во ВЦИК членов Викжеля, входивших во ВЦИК независимо от их партийной принадлежности. Уже во ВЦИК'е по целому ряду вопросов (роспуск Петроградской думы, стеснение «буржуазных» свобод и пр.) происходило полное единомыслие и спайка Викжеля с левыми эс-эрами.

Со стороны фронтовых организаций наблюдалась также поддержка Викжеля в его позиции, и резолюции, подобные резолюции общеармейского комитета при Ставке, являлись самым обычным явлением у фронтовых организаций. Этим, конечно, не сказано, что общесолдатская масса шла за Викжелем или за его лозунгом и поддерживала его платформу. Весь ход событий как раз подтверждает обратное. Но это значит, что большинство армейских организаций того периода (вспомним Московское Государственное и Петроградское демократическое совещания) так же как железнодорожные организации и Викжель, состояли в своем подавляющем большинстве из эс-эров, и меньшевиков-интернационалистов—всего понемножечку. Тон в программах и тактической линии большинства армейских организаций задавали мелкобуржуазные инстинкты и настроения. Глубоко ошибочно было в этом отношении заявление члена Викжеля, сделанное на конференции железнодорожников в Москве 13—15 ноября 1917 г., где он говорит, что «в лице общеармейского комитета было установлено, что вся армия поддерживала позицию Викжеля» [1]). Это заявление также не соответствует действительности, как и заявление того же члена Викжеля на этой конференции о том, что «и рабочий класс в Петрограде стал на нашу сторону». Оспаривать это заявление настолько же наивно—насколько наивно было бы доказывать, что Октябрьская революция есть революция пролетарская, совершенная руками последних. И вот, кто видел Петроград в Октябрьские дни, кто видел десятки тысяч петроградских рабо-

[1]) Страница 7-ая Стенографического отчета. Мы уже видели выше, что в первый момент общеармейский Комитет при Ставке стал на позицию безоговорочной поддержки Комитета Спасения и об'явил это от имени всех армий, т.-е. всей солдатской массы.

чих, вышедших из Питера на позиции, кто видел жен и детей этих рабочих, несших за ними хлеб, снаряды, лопаты и пр.,—тот не стал бы с трибуны заявлять о том, что питерские рабочие стояли в Октябрьские дни на платформе половинчатости, колебания между революцией и контр-революцией — на платформе Викжеля. Указанное заявление члена Викжеля порождено тем обстоятельством, что на некоторых питерских заводах (Путиловском, Обуховском, Лесснера и некоторых других) были вынесены частичные резолюции о создании однородного социалистического Правительства и скорейшем прекращении гражданской войны. Не выносились ли эти резолюции за спиной тех же обуховцев или путиловцев, которые в эти дни умирали в окопах под Красным Селом или Гатчино в борьбе против Керенского за власть советов,—мне неизвестно. Во всяком случае легкомыслием и самообманом является ссылка на эти частичные резолюции, массовое значение которых опровергается всем ходом событий.

Об отношениях железнодорожников к Викжелю и его позиции также много говорить не придется, так как из изложенного выше уже более или менее ясно видны эти отношения.

Громадная часть железнодорожников, принадлежащая к мелко-буржуазной классовой прослойке на железных дорогах, поддерживала Викжель как истинного выразителя мелко-буржуазной психологии и тактики. Сюда относятся телеграфисты, кондуктора, часть машинистов, линейные мелкие служащие конторского труда и пр. Несомненно, что сюда должна быть включена и часть рабочих, связанных землей и малосознательных. Получилась довольно солидная часть железнодорожников, которая и создавала у Викжеля иллюзию полной и безоговорочной его поддержки всеми железнодорожниками. Эта иллюзия усиливалась, с одной стороны, поддержкой Викжеля большинством дорожных организаций, а с другой стороны, тем подавляющим количеством телеграмм, которые свидетельствовали именно о поддержке Викжеля. Но, дорожные комитеты в своем большинстве являлись такими же выразителями настроения масс, как и упомянутый выше общеармейский комитет при Ставке, а превалирующее количество телеграмм в пользу Викжеля об'ясняется тем, что аппарат железнодорожных организаций, и главным образом, аппарат связи—телеграфные провода—находился в руках сторонников Викжеля, которые им и пользовались с искривлением в пользу своей платформы.

Выше уже было очерчено отношение различных групп железнодорожников к «нейтралитету». Этим, собственно говоря, и определяется общее настроение последних к Викжелю. Здесь мне хотелось бы только оттенить некоторые стороны этого отношения.

Здесь нужно различать два момента: отношение железнодорожной массы к тактике Викжеля—«нейтралитету» и отношение ее к платформе Викжеля—«однородному социалистическому министерству».

И если в отношении тактики Викжеля настроение как пролетарских железнодорожных масс, так и верхушечной прослойки (см. выше) было резко отрицательное, то лозунг «однородно-социалистического Правительства от народных социалистов до большевиков включительно» встретил среди этих масс во многих местах сочувствие. Не буду останавливаться здесь на причинах этого явления, которому много способствовали неизжитые еще в разбираемую эпоху иллюзии,—приведу лишь несколько характерных примеров. Мастеровые и рабочие Вологодского узла вынесли резолюцию о всей власти советам и добавили: «с тем, чтобы конструированная власть составилась из социалистических партий; присоединяемся, говорят они, к резолюции Викжеля и будем поддерживать его настолько, насколько он пойдет в контакте с социалистическими партиями и Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». Тоже говорит резолюция общего собрания рабочих на станции Ртищево, считающая единственной властью советы с подчинением им однородно-социалистического Правительства. Вот еще характерный пример: общее собрание рабочих Петроградского узла Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор., ставшее безоговорочно на поддержку Питерского Военно-революционного комитета, требует от последнего немедленной конструкции власти по принципу однородно-социалистического Правительства. То же говорит резолюция рабочих Уфимского узла, Орловского узла [1]) и пр. В указанных примерах железнодорожники отвергают «нейтралитет», но требуют однородно-социалистического Правительства.

Угроза Викжеля забастовкой поддержать свою платформу далеко не встретила того сочувствия, на которое он рассчитывал. Часть железнодорожников, шедшая за Викжелем, и недостаточно ясно разбиравшаяся в происходивших событиях, действительно откликнулась на организацию стачечных комитетов и возможно, если бы забастовка была об'явлена, проводила бы ее по мере сил и возможности. Но в очень многих местах сети дорог это постановление оказалось весьма непопулярным. Прежде всего категорический протест это вызвало со стороны той части железнодорожников, которая встала на путь пассивного сочувствия или активной поддержки Военно-революционных комитетов и партии большевиков. Но и целый ряд других групп железнодорожников не видело выхода в об'явлении забастовки и резко выражало свое недовольство Викжелем. Так, например, делегатский с'езд Ташкентской дороги категорически заявляет, что он не находит возможным проведение на дороге какой бы то ни было, хотя бы и частичной забастовки». В позиции Викжеля—смягчить, прекратить гражданскую войну, путем остановки железнодорожного движения этот с'езд усматривает недопустимое противоречие. Телеграфисты станции Курск, Московско-Курской жел. дор. «находят забастов-

---

[1]) Телеграммы: 2 ноября № 39, 18 ноября № 1707, 1 ноября № 479, 2 ноября № 3153 и 2 ноября № 93.

ку недопустимой, так как таковая послужит поводом к усилению анархии, голода и повсеместной гражданской войны». Служащие ст. Окуловка Николаевской жел. дор. считают тоже, что забастовка, как средство примирить враждующие стороны — непригодна» и т. п. [1]). Последние два постановления вынесены как раз мелко-буржуазной частью железнодорожников, шедшей за Викжелем, поддерживавшей его позицию. Поэтому не трудно сделать тот вывод, что в случае об'явления Викжелем всеобщей стачки в Октябрьские дни, таковая бы сорвалась и удар, пришелся бы по самому Викжелю. Не будучи, однако, вполне осведомленным о таком положении дела, партийные и иные организации боялись этого могущественного средства в руках Викжеля, и легко поддавались на этот ультиматум.

Во всех многогранных отношениях мест к Викжелю выявляется еще один небезынтересный момент. Места, в зависимости от своей классовой окраски, рассматривали постановления Викжеля в той или другой привлекательной для себя части, и на этом подчас строили свои отношения к Викжелю. А так как не было ни одной телеграммы, ни одного постановления, в которых Викжель бы не «викжелял», то и места получали в свои руки богатый материал для указанных операций. Так, например, профессиональный союз конторщиков станции Москва, выхватывая постановление Викжеля «о необходимости доведения страны до Учредительного Собрания», сосредоточивается на этом, как самом привлекательном для себя моменте и выносит постановление «О всемерной поддержке Викжеля в том случае, если он будет активно и всецело стоять на страже созыва в срок 28-го ноября Учредительного Собрания». Служащие, мастеровые и рабочие станции Балашово, сосредоточивая свое внимание на привлекательном постановлении Викжеля о взятии железнодорожниками управления в свои руки (Управление министерством путей сообщения, назначение комиссаров на дорогах и пр.) приветствует всемерно этот акт и постановляет оказать Викжелю поддержку.

Таковы в кратких и очень общих чертах отношения мест к Викжелю в дни Октябрьской революции.

Заканчивая, я хочу подчеркнуть, что по правильному выражению тов. Рязанова позиция Викжеля должна оцениваться «не как его вина, а как его беда».

Но «беда» Викжеля об'ективно, вне суб'ективной воли многих его членов, сыграла контр-революционную роль, во вред пролетарским интересам, запутала ясность положения и поставила пролетариату лишние рогатки на пути к достижению им победы.

Москва, декабрь 1921 г.

---

[1]) Телеграммы: 1 ноября № 2370, 4 ноября № 1 и 3 ноября № 1443.

